

Соблазни меня в сумерках

Автор:

[Лиза Клейпас](#)

Соблазни меня в сумерках

Лиза Клейпас

Семья Хатауэй #3Шарм (АСТ)

Поппи Хатауэй обожает свое экстравагантное, шумное семейство, однако для самой себя она желала бы иной жизни, тихой и респектабельной. Но планам девушки не дано осуществиться: в нее влюбляется весьма непростой мужчина – богатый владелец роскошного отеля Гарри Ратледж. Человек с железной волей и темным прошлым, который всегда получает то, чего хочет, – а Поппи он хочет больше всего на свете.

Ловко скомпрометировав девушку, Гарри немедленно «спасает ее честь», женившись на ней... и почти сразу же обнаруживает, что он, великолепный любовник, попросту понятия не имеет, как быть хорошим мужем за пределами спальни. Так необычно начинается их с Поппи супружеская жизнь, полная самых невероятных приключений – то забавных, то опасных...

Лиза Клейпас

Соблазни меня в сумерках

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Lisa Kleypas

TEMPT ME AT TWILIGHT

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения литературных агентств William Morris Endeavor Entertainment, LLC и Andrew Nurnberg.

© Lisa Kleypas, 2009

© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Лондон, отель «Ратледж», май 1852 года

Шансов на приличный брак у Поппи Хатауэй становилось все меньше и меньше, и все из-за хорька.

К несчастью, она успела пробежать вслед за Доджером половину отеля «Ратледж», прежде чем вспомнила о важном факте: для хорька прямая линия состоит из зигзагов.

– Доджер, – в отчаянии позвала Поппи, – иди сюда, милый. Я дам тебе печенье, ленту для волос – все, что угодно! О, я сделаю из тебя горжетку...

Она поклялась себе, что как только поймает питомца своей сестры, то предупредит администрацию отеля: Беатрикс держит в номере гостиницы диких

животных, – что наверняка запрещено правилами. Конечно, это может закончиться выселением всего семейства Хатауэй из гостиницы. Но в данный момент Поппи было все равно.

Доджер украл любовное письмо, которое прислал ей Майкл Бейнинг, и теперь самым важным для нее было вернуть его. Не хватало только, чтобы Доджер спрятал письмо в публичном месте, где его обнаружит кто-нибудь посторонний. И тогда шансы Поппи выйти замуж за уважаемого и совершенно замечательного молодого человека будут потеряны навсегда.

Доджер резво неся по роскошным коридорам отеля «Ратледж». Письмо было зажато между его длинными передними зубами, и поймать его не представлялось возможным.

Кинувшись за ним, Поппи молилась, чтобы не попасться никому на глаза. Как ни высока была репутация отеля, воспитанной девушке не следовало покидать свой номер без сопровождения. Но ее компаньонка, мисс Маркс, еще не встала с постели, а Беатрикс рано утром отправилась на верховую прогулку с их старшей сестрой Амелией.

– Ты заплатишь за это, Доджер!

Избалованный зверек был уверен, что все в мире существует для его развлечения. Ни одна корзинка, ни одна шкатулка не могли остаться неперевернутыми, а их содержимое – необследованным. Ни один носок, расческа или платок не могли избежать его внимания. Доджер похищал всевозможные предметы, складывая их в кучки под стульями и диванами, прятался в ящиках с чистым бельем и, что самое скверное, настолько преуспел в своих проказах, что все семейство Хатауэй привыкло смотреть на его выходки сквозь пальцы.

Когда Поппи возмущалась его поведением, Беатрикс всегда извинялась, обещала, что этого больше не повторится, и казалась искренне удивленной, когда Доджер пренебрегал ее суровыми наставлениями. Поскольку Поппи любила свою младшую сестренку, ей ничего не оставалось, кроме как терпеть нахальное животное.

На этот раз Доджер зашел слишком далеко.

Хорек помедлил на углу, чтобы убедиться, что его по-прежнему преследуют, и выразил свой восторг, исполнив воинственный танец. Даже сейчас, когда Поппи хотелось его убить, она не могла не признать, что он очарователен.

– И тем не менее ты не жилец, – сказала она, приближаясь к нему со всей осторожностью. – Отдай письмо, Доджер.

Хорек метнулся за колоннаду, подпиравшую стеклянный купол, откуда лился солнечный свет, проникая вниз на три этажа. Интересно, мрачно спросила себя Поппи, сколько еще ей придется гоняться за ним? Доджер был неутомим, а отель «Ратледж» простирался на несколько кварталов.

– Вот что случается с человеком, если он имеет несчастье родиться Хатауэем, – пробормотала она себе под нос. – Несчастные случаи, дикие животные, пожары, проклятия, скандалы...

Хотя Поппи нежно любила свою семью, она мечтала о тихой нормальной жизни, что было невозможно для Хатауэев. Ей хотелось покоя. И предсказуемости.

Доджер прошмыгнул в открытую дверь конторы мистера Бримбли, администратора третьего этажа. Хатауэи не раз останавливались в отеле «Ратледж», и Поппи знала, что Бримбли подробно докладывает своему начальству обо всем, что происходит на его этаже. Когда Бримбли узнает про письмо, оно будет конфисковано, и отношения Поппи с Майклом станут достоянием гласности. А отец Майкла, виконт Эндоувер, никогда не одобрит брак, если ему будет сопутствовать хоть малейшее нарушение приличий.

Заслышав голоса, Поппи затаила дыхание и прижалась спиной к стене, стараясь не попадаться на глаза мистеру Бримбли, пожилому мужчине с белоснежными усиками, закрученными на концах. Он вышел из своей конторы в сопровождении двух служащих.

– ...сейчас же отправляйся в главный офис, Харкинс, – говорил мистер Бримбли на ходу. – Узнай, в чем там дело с оплатой номера мистера Уэя. Он имеет привычку утверждать, будто его обсчитывают. Во избежание недоразумений впредь давайте ему на подпись все выставляемые счета.

– Слушаюсь, мистер Бримбли. – Мужчины двинулись дальше по коридору, продолжая обсуждать дела.

Поппи осторожно подкралась к двери и заглянула внутрь. В просторном помещении никого не было.

– Доджер, – позвала она громким шепотом, увидев хорька. – Доджер, иди сюда.

Что, разумеется, не возымело никакого действия, кроме серии восторженных прыжков.

Прикусив нижнюю губу, Поппи перешагнула через порог. Посередине кабинета располагался массивный письменный стол, заваленный учетными книгами и бумагами. К столу было придвинуто кресло, обтянутое бордовой кожей, другое кресло стояло возле пустого камина, отделанного мрамором.

Доджер притаился за письменным столом, блестя глазками и шевеля усиками над вожделенным письмом. Он не шелохнулся, глядя на Поппи, которая осторожно двинулась к нему.

– Все в порядке, – успокаивающе произнесла она, медленно протянув руку, чтобы не спугнуть зверька. – Хороший мальчик, красивый мальчик... сейчас я заберу письмо, а потом отнесу тебя в наш номер... Черт!

Только она собралась схватить письмо, как Доджер забился под кресло.

Сердито вспыхнув, Поппи окинула взглядом комнату в поисках предмета, которым можно было бы ткнуть в хорька, чтобы заставить выбраться оттуда. Заметив на каминной полке высокий серебряный подсвечник, она попыталась снять его, но безуспешно: подсвечник не двинулся с места. Поппи удвоила усилия.

Внезапно перед ее изумленным взором весь блок стены, в которую был вделан камин, бесшумно повернулся. То, что выглядело как каменная кладка, оказалось имитацией, за которой скрывался проход.

Доджер тут же выбрался из-под кресла и метнулся в открывшийся коридор.

– Ах, проказник! – ахнула Поппи. – Доджер, стой!

Но хорек не обратил на нее ни малейшего внимания. И мало того: она услышала голос мистера Бримбли, возвращавшегося в свой офис.

– ...нужно проинформировать мистера Ратледжа. Включите это в отчет. И не забудьте...

Не имея ни секунды, чтобы подумать о последствиях, Поппи бросилась в дверной проем за камином, и потайная дверь закрылась за ней.

Она замерла в полумраке, прислушиваясь к тому, что происходит в конторе. Ее присутствие явно осталось незамеченным. Мистер Бримбли как ни в чем не бывало продолжал деловой разговор со своими спутниками.

С некоторым опозданием ей пришло в голову, что, возможно, придется долго ждать, пока управляющий снова выйдет из конторы, или искать другой выход. Конечно, можно просто вернуться назад и предстать перед мистером Бримбли. Но Поппи не представляла, что скажет в свое оправдание, не говоря уже о стыде и позоре, которые придется пережить.

Повернувшись спиной к двери, она различила в рассеянном свете, лившемся откуда-то сверху, длинный коридор. Подняв глаза, она увидела, что помещение освещается через отверстие в потолке. Подобной конструкцией пользовались древние египтяне для определения положения звезд и планет.

Судя по шороху, хорек был где-то рядом.

– Ну, Доджер, – пробормотала Поппи, – это ты втравил нас в эту переделку. Почему бы тебе не помочь мне найти выход?

Доджер не заставил себя упрашивать и, устремившись дальше по коридору, исчез в темноте. Поппи вдохнула и двинулась следом, стараясь не поддаваться панике. Многочисленные бедствия, постигавшие Хатауэев с завидной регулярностью, приучили ее не терять голову в любой ситуации.

Источник света остался позади, и ей приходилось передвигаться на ощупь, касаясь пальцами стены. Не прошла она и нескольких шагов, как услышала какой-то шум, похожий на скрип половиц или шарканье подошв. Поппи замерла на месте и прислушалась.

Все было тихо.

Но ее нервы напряглись, а сердце бешено забилося, когда она увидела впереди желтоватое сияние лампы, которая тут же погасла.

Поппи была в коридоре не одна.

Шаги приближались с целеустремленностью хищника, охотящегося за добычей. Кто-то направлялся прямо к ней.

А вот теперь, решила Поппи, подходящий момент для паники. Стремительно развернувшись, она бросилась назад по коридору, охваченная самым настоящим страхом. Оказаться в темном коридоре, преследуемой неведомо кем, было совершенно новым опытом даже для представительницы семейства Хатауэй. Проклиная свои длинные юбки, она подхватила их, чтобы не мешали бежать, но ее преследователь был слишком проворен, чтобы позволить ей спастись.

Из ее горла вырвался крик, приглушенный грубой хваткой, свидетельствующий о немалом опыте. Незнакомец, крупный мужчина, схватил ее за талию, прижав спиной к своей груди. Другой рукой он резко повернул ее голову набок.

– Предупреждаю, – негромко произнес он у самого ее уха, – что, надавив чуть сильнее, я сверну вам шею. Как вас зовут и что вы здесь делаете?

Глава 2

Поппи едва могла думать от пульсации крови в ушах и от болезненно жесткой хватки незнакомца. Его грудь казалась твердой как камень.

– Это ошибка, – удалось ей вымолвить. – Пожалуйста...

Он еще больше повернул ее голову набок, вызвав острую боль в суставах шеи и плеча.

- Как вас зовут? – повторил он вкрадчивым тоном.

- Поппи Хатауэй, – выдохнула она. – Извините, я не хотела...

- Поппи? – Его хватка ослабла.

- Да. – Почему он произнес ее имя так, словно знает ее? – Вы из служащих отеля?

Он проигнорировал ее вопрос, скользнув рукой по ее плечам и груди. Сердце Поппи затрепетало.

- Не надо, – прерывисто выдохнула она, пытаясь уклониться от его прикосновений.

- Как вы сюда попали? – Он повернул ее лицом к себе. Ни один из знакомых Поппи не обращался с ней так фамильярно. Они находились достаточно близко к источнику света, чтобы Поппи могла разглядеть жесткие черты худощавого лица и блеск глубоко посаженных глаз.

Поморщившись от боли в шее, она потерла ее рукой.

- Я гналась... за хорьком и, когда он прошмыгнул за камин в офисе мистера Бримбли, последовала за ним... Мы пытались найти другой выход.

Несмотря на всю нелепость ее объяснений, незнакомец отнесся к ним серьезно.

- За хорьком? Одним из питомцев вашей сестры?

- Да, – кивнула она, озадаченная его осведомленностью, и снова потерла шею. – Но откуда вы знаете? Мы встречались раньше? Нет, пожалуйста, не трогайте меня... Ох!

Он повернул ее спиной к себе и положил руку ей на шею.

– Не двигайтесь, – приказал он, умело массируя больное место. – Если вы попытаетесь сбежать, я вас снова поймаю.

Поппи безропотно терпела уверенные движения его пальцев, гадая, не попала ли в руки маньяка. Он нажал сильнее, вызвав непривычные ощущения, которые не были ни приятными, ни болезненными, но странным образом сочетали в себе то и другое. К ее удивлению, боль прошла и напряженные мышцы расслабились. Она прерывисто выдохнула, нагнув голову.

– Лучше? – поинтересовался он. Его большие пальцы поглаживали ее шею, проникая под мягкое кружево, которым был отделан высокий ворот ее платья.

Встревоженная и смущенная, она попыталась отстраниться, но он удержал ее за плечи. Поппи прочистила горло.

– Сэр, не могли бы вы вывести меня отсюда? – произнесла со всем достоинством, на которое была способна. – Мои родные будут вам очень признательны...

– Конечно. – Он неохотно отпустил ее. – Никто не пользуется этим коридором без моего ведома. Естественно, я решил, что тот, кто забрался сюда, сделал это с недобрыми намерениями.

Это замечание могло сойти за извинение, хотя в его голосе не прозвучало и тени раскаяния.

– Уверяю вас, у меня не было никаких намерений, кроме желания поймать это бессовестное животное. – Она почувствовала, как Доджер трется о подол ее юбки.

Незнакомец нагнулся, поднял хорька и протянул его Поппи, придерживая за холку.

– Спасибо. – Упитанное тельце зверька расслабилось у нее на руках. Как и следовало ожидать, письмо исчезло. – Доджер, мерзкий воришка, где оно? Что ты с ним сделал?

– Что вы ищете?

– Письмо, – натянуто отозвалась Поппи. – Доджер украл его и притащил сюда... Оно должно быть где-нибудь здесь.

– Никуда оно не денется.

– Но это важное письмо.

– Очевидно, иначе вы бы не пустились во все тяжкие, чтобы вернуть его. Пойдемте.

Поппи неохотно согласилась, позволив ему взять ее за локоть.

– Куда мы идем?

Ответа не последовало.

– Я предпочла бы, чтобы никто не знал об этом происшествии, – сказала Поппи.

– Не сомневаюсь.

– Могу я рассчитывать на вашу скромность, сэр? Я должна избежать скандала любой ценой.

– Молодой женщине, которая хочет избежать скандала, следует оставаться в своем номере, – резонно заметил он.

– Я бы с удовольствием оставалась в своем номере, – возразила Поппи. – Мне пришлось выйти исключительно из-за Доджера. Я должна вернуть письмо. И я уверена, что мои родные охотно компенсируют доставленное вам беспокойство...

– Помолчите.

Он без труда находил путь в полутемном коридоре, придерживая Поппи за локоть деликатной, но неумолимой рукой. Они двинулись не к кабинету мистера Бримбли, а в противоположном направлении, и шли, казалось, бесконечно долго.

Наконец незнакомец остановился перед дверью в стене и толкнул ее.

– Входите.

Поппи нерешительно проследовала в ярко освещенную комнату с окнами во всю стену, выходящими на улицу. Половину свободного пространства занимал массивный письменный стол из резного дуба, вдоль стен висели книжные полки. В воздухе висела знакомая смесь запахов – свечного воска, пергамента, чернил и книжной пыли. Так пахло в кабинете ее отца.

Поппи повернулась к незнакомцу, который вошел следом за ней и закрыл потайную дверь.

Трудно было определить его возраст. Он выглядел на тридцать с небольшим, но в нем чувствовалась искушенность, словно он достаточно повидал в своей жизни, чтобы перестать удивляться. У него были густые, коротко подстриженные, черные как смоль волосы и светлая кожа, на фоне которой резко выделялись темные дуги бровей. И он был красив, как Люцифер: с высоким лбом, прямым носом и выразительным ртом. Упрямая челюсть, завершавшая черты, придавала ему вид человека, который относится ко всему – включая самого себя – слишком серьезно.

Поппи почувствовала, что краснеет, глядя в его зеленые глаза с темными ободками вокруг зрачков и густыми черными ресницами. Его взгляд, казалось, вбирал ее внутрь, оценивая каждую черточку. Под его глазами виднелись тени, но они нисколько не портили его мужественную красоту.

Любой джентльмен на его месте произнес бы что-нибудь любезное, успокаивающее, но незнакомец молчал.

Почему он так смотрит на нее? Кто он и по какому праву хозяйничает в отеле?

Придется ей что-нибудь сказать, чтобы разрядить обстановку.

– Здесь пахнет книгами и свечным воском, – заметила она, – как в кабинете моего отца.

Мужчина шагнул к ней, и Поппи невольно отпрянула. Они оба замерли. Казалось, в воздухе повисли вопросы, словно написанные невидимыми чернилами.

– Насколько я знаю, ваш отец умер. – У него оказался выразительный голос, низкий и властный, гармонирующий с его обликом. Он говорил с легким акцентом, растягивая гласные и слегка грассируя.

Поппи озадаченно кивнула.

– А вскоре умерла ваша мать, – добавил он.

– Откуда вы знаете?

– Это моя обязанность – знать как можно больше о постояльцах.

Доджер принялся извиваться, вырываясь из ее рук, и Поппи нагнулась, чтобы опустить его на пол. Хорек запрыгнул на массивное кресло у камина и свернулся клубком на бархатной обивке.

Выпрямившись, Поппи заставила себя снова взглянуть на незнакомца. Он был одет в темный костюм, отличавшийся изысканной небрежностью покроя. Но на его черном галстуке не было бриллиантовой булавки, на жилете не сверкали золотые пуговицы, свидетельствующие о богатстве. Ничего, кроме цепочки карманных часов.

– Вы говорите как американец, – заметила она.

– Я из Буффало, Нью-Йорк, – отозвался он. – Но давно живу здесь.

– Вы служите у мистера Ратледжа? – осторожно поинтересовалась Поппи.

Он кивнул.

– Вы один из управляющих?

– Что-то в этом роде, – произнес он с непроницаемым видом.

Поппи сделала шаг к двери.

- В таком случае не буду мешать вашей работе, мистер...

- Кто-то должен проводить вас до вашего номера.

Поппи думала об этом. Может, попросить его послать за ее компаньонкой? Хотя нет... Мисс Маркс, наверное, еще спит. У нее была трудная ночь. Их компаньонка была подвержена ночным кошмарам, после которых целый день чувствовала себя разбитой. Это случалось не часто, но когда случалось, Поппи и Беатрикс старались дать ей отдохнуть как можно дольше.

Незнакомец ненадолго задумался.

- Может, послать за горничной?

Первым порывом Поппи было согласиться. Но она не хотела оставаться с ним наедине даже на несколько минут. Она не доверяла ему ни на йоту.

Ее нерешительность не осталась незамеченной.

- Если бы я собирался наброситься на вас, - сказал он, иронически скривив губы, - я бы уже давно это сделал.

От его прямоты ее румянец стал гуще.

- Возможно, но, насколько я могу судить, вы ничего не делаете второпях.

В его глазах мелькнуло удивление, сменившееся веселыми искорками.

- Вам ничто не угрожает, мисс Хатауэй, - произнес он голосом, в котором звучал сдерживаемый смех. - Уверю вас. Позвольте мне послать за горничной.

Веселье изменило его лицо, наполнив его таким теплом и обаянием, что Поппи поразились. Ее сердце забилось быстрее, распространяя по телу какое-то новое и приятное ощущение.

Глядя, как он подошел к звонку и дернул за шнур, Поппи вспомнила о пропавшем письме.

– Сэр, пока мы ждем, не могли бы вы быть настолько любезны, чтобы поискать письмо, потерянное в коридоре? Мне необходимо его вернуть.

– Почему? – поинтересовался он.

– По личным причинам, – коротко отозвалась Поппи.

– Оно от мужчины?

Поппи одарила его уничтожающим взглядом, которым мисс Маркс отваживала назойливых джентльменов.

– Боюсь, это вас не касается.

– Меня касается все, что происходит в этом отеле. – Он помолчал, пристально глядя на нее. – Письмо от мужчины. Будь это не так, вы бы ответили иначе.

Нахмурившись, Поппи повернулась к нему спиной и направилась к одной из полок, где были выставлены необычные предметы: самовар, покрытый эмалью и позолотой, кинжал в расшитых бисером ножнах, коллекция камней с высеченным на них орнаментом, глиняные сосуды, египетский подголовник, древние монеты, меч с заржавевшим лезвием и венецианское стекло.

– Что это за комната? – не удержалась она от вопроса.

– Мистер Ратледж хранит здесь свою коллекцию редкостей. Часть он собрал сам, остальное подарено иностранными гостями. Можете посмотреть, если хотите.

Поппи была заинтригована. Учитывая, что среди постояльцев отеля было немало иностранцев, представителей королевских фамилий, знати и членов дипломатического корпуса, в коллекции мистера Ратледжа могли оказаться самые необычные предметы.

Проходясь вдоль полок, она помедлила перед усыпанной драгоценностями серебряной статуэткой, изображавшей лошадь, скачущую галопом.

- Как красиво, - сказала она, взяв ее в руки.

- Это подарок китайского принца Ичжу, - произнес незнакомец за ее спиной.

Очарованная Поппи прошла пальцем по спине лошади.

- Теперь принц взошел на престол как император Сяньфэн, - заметила она. - Неподходящее имя для правителя, вы не находите?

Он подошел ближе, бросив на нее острый взгляд.

- Что вы хотите этим сказать?

- Оно означает «всеобщее процветание». Определенно это не тот случай, учитывая восстания, с которыми он столкнулся.

- По-моему, вызовы из Европы представляют для него еще большую опасность.

- Да, - удрученно отозвалась Поппи, поставив статуэтку на место. - Интересно, сколько продержится китайская независимость при таком кровопролитии?

Ее собеседник стоял достаточно близко, чтобы она ощущала запах чистого белья и мыла для бритья.

- Немногие женщины, - заметил он, устремив на нее пристальный взгляд, - способны обсуждать дальневосточную политику.

Она покраснела.

- В нашей семье принято вести за ужином довольно необычные беседы. Необычные тем, что мы с сестрами всегда принимаем в них участие. Моя компаньонка говорит, что это вполне приемлемо для дома, но она не советовала мне показывать свою осведомленность в обществе. Это отваживает женихов.

– В таком случае вам надо быть осторожной, – улыбнулся он. – Позор, если умное замечание слетит с ваших губ в неподходящий момент.

Поппи испытала настоящее облегчение, когда раздался деликатный стук в дверь. Горничная явилась быстрее, чем она ожидала. Незнакомец подошел к двери и, приоткрыв ее, что-то сказал девушке. Та кивнула и исчезла.

– Куда она пошла? – осведомилась Поппи недовольным тоном. – Предполагалось, что она проводит меня до моего номера.

– Я велел ей принести чай.

На мгновение Поппи лишилась дара речи.

– Сэр, я не могу пить чай с вами.

– Это не займет много времени.

– Это ничего не меняет. Даже если бы у меня было время, я не могу оставаться здесь! Вы прекрасно знаете, насколько это неприлично.

– Почти так же, как слоняться по отелю без сопровождения, – согласился он с невозмутимым видом.

Поппи сердито нахмурилась.

– Я не слонялась, а пыталась поймать хорька. – Это прозвучало так нелепо, что она покраснела, но продолжила, приняв достойный вид: – Я не виновата, что так вышло. И у меня будут очень серьезные неприятности, если я не вернусь в свой номер как можно скорее. Если я задержусь здесь еще немного, вы можете оказаться замешанным в скандал, который мистер Ратледж вряд ли одобрит.

– Это точно.

– В таком случае верните горничную.

– Слишком поздно. Нам придется подождать, пока она вернется с чаем.

Поппи испустила раздраженный вздох.

– Какое утомительное утро. – Бросив взгляд на хорька, она увидела клочья ваты и конского волоса, подброшенные в воздух, и побледнела. – Доджер, что ты наделал!

– В чем дело? – спросил мужчина, последовав за ней, когда она кинулась к хорьку.

– Он распотрошил ваше кресло, – отозвалась она несчастным тоном, взяв зверька на руки. – Вернее, кресло мистера Ратледжа. – В роскошной бархатной обивке зияла дыра. – Обещаю вам, мои родные заплатят за ущерб.

– Все в порядке, – сказал он. – В бюджете отеля есть статья расходов на ремонт мебели.

Опустившись на корточки – непростая задача для тех, кто одет в корсет и накрахмаленные юбки, – Поппи схватила клочья ваты и попыталась засунуть их назад, под обивку.

– Если нужно, я представлю вам письменное объяснение того, как это случилось.

– А как насчет вашей репутации? – поинтересовался незнакомец, взяв ее за плечи и заставив выпрямиться.

– Моя репутация ничто по сравнению с необходимостью зарабатывать на жизнь. Вас могут уволить. Наверняка у вас есть семья – жена и дети, которых вы содержите. Позор я как-нибудь переживу, а вы можете остаться без работы.

– Вы очень добры, – сказал он, забрав хорька из ее рук и посадив в изуродованное кресло. – Но у меня нет семьи. И меня не могут уволить.

– Доджер, – встревожилась Поппи, когда в воздух снова полетели клочья ваты. Хорек явно наслаждался собой.

– Кресло уже испорчено. Пусть развлекается.

Поппи не могла не поразиться легкости, с которой он отнесся к порче дорогого предмета мебели.

– Вы, – заметила она, – не похожи на других управляющих.

– А вы не похожи на других молодых женщин.

Это замечание вызвало у нее кривую улыбку.

– Мне это говорили.

Небо за окном приобрело свинцовый оттенок. Пошел дождь, поливая мощенную камнем мостовую и прибывая к земле едкую пыль, поднятую проезжающими экипажами.

Поппи подошла к окну, встала так, чтобы ее не видели с улицы, и принялась смотреть на прохожих. Некоторые бросились врассыпную, некоторые раскрыли зонтики и продолжили путь.

На обочинах теснились уличные торговцы, зазывавшие покупателей нетерпеливыми криками. Здесь продавалось все, что только можно было вообразить: связки лука, чайники, цветы, спички и клетки с птицами. Последние часто становились проблемой для Хатауэев, так как Беатрикс была готова спасти каждое создание, попавшее ей на глаза. Множество пернатых было куплено их зятем, мистером Роаном, и отпущено на волю в деревенском поместье. Роан клялся, что скупил половину птичьей популяции в Гэмпшире.

Отвернувшись от окна, Поппи обнаружила, что незнакомец наблюдает за ней с таким видом, словно пытается разгадать загадку. Он стоял, прислонившись плечом к книжным полкам и скрестив руки на груди. Несмотря на его расслабленную позу, у Поппи возникло нервирующее ощущение: в случае бегства ее тут же поймут.

– Почему вы ни с кем не помолвлены? – поинтересовался он с шокирующей прямотой. – Ведь вы уже два-три года как выезжаете в свет?

- Три, - отозвалась Поппи, чувствуя себя задетой.

- Вы из состоятельной семьи, что позволяет надеяться на богатое приданое. Ваш брат - виконт, еще одно преимущество. Почему вы не вышли замуж?

- Вы всегда задаете такие личные вопросы при первой встрече? - парировала Поппи, не скрывая своего удивления.

- Не всегда. Просто вы... заинтересовали меня.

Поппи задумалась и пожала плечами:

- Мне не подошел ни один из тех джентльменов, которых я встречала за эти три года. Никто не показался мне привлекательным.

- А какой тип мужчин вас привлекает?

- Те, с которыми я могла бы вести спокойную размеренную жизнь.

- Большинство молодых женщин мечтают о волнующих событиях и романтике.

Поппи криво улыбнулась:

- Боюсь, я предпочитаю покой.

- А вам не приходило в голову, что Лондон - неподходящее место для тихой размеренной жизни?

- Разумеется. Но я не в том положении, чтобы выбирать подходящие места. - Тут ей следовало бы остановиться. Не было никакой нужды пускаться в объяснения. Но Поппи любила поболтать и, подобно Доджеру, дорвавшись до ящика с подвязками, она не смогла устоять перед соблазном. - Беда в том, что мой брат, лорд Рамзи, унаследовал титул.

Брови незнакомца приподнялись.

– Беда?

– О да, – отозвалась Поппи с серьезным видом. – Видите ли, никто из Хатауэев не был готов к такому повороту. Мы были дальними родственниками предыдущего лорда Рамзи. Титул перешел к Лео только из-за нескольких безвременных смертей. Мы не имели представления об этикете, ничего не знали о высшем обществе. Мы были счастливы в Примроуз-Плейс.

Она помедлила, перебирая счастливые воспоминания детства: уютный коттедж с черепичной крышей, цветник, где их отец выращивал свои драгоценные розы, пара вислоухих кроликов, что жили в клетке у задней двери, стопки книг в каждом углу. Теперь брошенный коттедж превратился в руины, а сад зарос сорняками.

– Но что толку оглядываться назад? – произнесла Поппи скорее утвердительно, чем вопросительно. – Что это? – Она нагнулась, разглядывая содержимое нижней полки. – О, астролябия. – Она взяла в руки предмет, состоявший из медных дисков с циферблатами и шкалой, разбитой на градусы.

– Вы знаете, что такое астролябия? – удивился незнакомец, подойдя к ней.

– Да, конечно. Это инструмент, используемый астрономами и моряками. А также астрологами. – Она прошлась пальцем по звездной карте, выгравированной на одном из дисков. – Это персидская астролябия. Я бы сказала, что ей около пятисот лет.

– Пятьсот двенадцать, – уточнил он.

Поппи не удержалась от довольной улыбки.

– Мой отец изучал Средневековье. У него была целая коллекция таких штуквин. Он даже научил меня делать астролябии из дерева, веревки и гвоздя. – Она осторожно повернула диски. – Вы не могли бы назвать дату вашего рождения?

Незнакомец помедлил, колеблясь, словно ему было неприятно сообщать что-либо о себе.

- Первое ноября.

- Значит, вы родились под знаком Скорпиона, – сказала она, повернув астрорябию.

- Вы верите в астрологию? – поинтересовался он с насмешливыми нотками в голосе.

- Почему бы и нет?

- Потому что она не основывается на научных знаниях.

- Мой отец считал подобные взгляды предубеждением и поощрял мой интерес ко всему непознанному. – Она провела кончиком указательного пальца по звездной карте и подняла на него лукавый взгляд. – Скорпионы бывают довольно беспринципны, знаете ли. Вот почему Артемида попросила одного из них убить своего врага, Ориона, а в качестве награды поместила Скорпиона на небо.

- Я не беспринципен. Я всего лишь делаю то, что требуется для достижения моих целей.

- А разве это не беспринципность? – рассмеялась Поппи.

- Это слово подразумевает жестокость.

- А вы не жестоки?

- Только если это необходимо.

Улыбка Поппи увяла.

- Жестокости нет оправдания.

- Сразу видно, что вы совсем не знаете жизни, иначе бы так не рассуждали.

Решив не углубляться в эту тему, Поппи привстала на цыпочки, чтобы рассмотреть содержимое верхней полки, где располагалась коллекция предметов из раскрашенной жести.

- Что это?

- Механические игрушки.

- Для чего они?

Он снял с полки один из предметов и протянул ей.

Это была круглая платформа, на которой располагались крохотные лошадки, каждая на своей дорожке. Заметив в основании кончик веревки, Поппи осторожно потянула за нее. Это запустило внутренний механизм, который привел в движение лошадей и те помчались по кругу, как на скачках.

Поппи восторженно засмеялась:

- Какая прелесть! Жаль, что моя сестра Беатрикс не увидит эту игрушку. Откуда она?

- Мистер Ратледж мастерит их в свободное время, чтобы расслабиться.

- Можно посмотреть другую? - Поппи была очарована этими вещицами, не столько игрушками, сколько произведениями инженерного искусства. Здесь был адмирал Нельсон на крохотном корабле, обезьянка, карабкающаяся на пальму, кошка, играющая с мышью, укротитель львов, щелкающий хлыстом.

Довольный ее интересом, незнакомец показал ей картину на стене, где были изображены вальсирующие пары. Перед ее пораженным взором картина, казалось, ожила, и джентльмены повели своих партнерш в танце.

- Боже, - сказала она в изумлении, - как это работает?

- С помощью часового механизма. - Он снял картину со стены и повернул обратной стороной. - Вот механизм. Он приводит в движение рычажки, а те, в

свою очередь, двигают другие рычажки.

– Поразительно! – В своем энтузиазме Поппи забыла об осторожности. – Мистер Ратледж явно обладает талантом механика. Это напомнило мне о Роджере Бэконе, средневековом французском монахе, биографию которого я недавно прочитала. Мой отец был большим почитателем его трудов. Бэкон провел огромное количество экспериментов, что вызвало обвинения в колдовстве. Говорят, однажды он создал бронзовую голову, которая... – Поппи осеклась, сообразив, что она опять болтает. – Ну вот видите. Вот чем я занимаюсь на балах и вечеринках. Это одна из причин, почему на мою руку нет претендентов.

Его губы дрогнули в улыбке.

– Я полагал, что разговоры только поощряют претендентов.

– Возможно, но не разговоры, которые веду я.

Раздался стук в дверь, и они оба повернулись на звук.

Пришла горничная.

– Я должна идти, – смущенно сказала Поппи. – Моя компаньонка очень огорчится, если обнаружит, что меня нет.

Незнакомец выдержал долгую паузу, глядя на нее.

– Я еще не закончил с вами, – заявил он с обескураживающей небрежностью. Словно никто и никогда не отказывал ему. Словно он не сомневался, что она останется с ним настолько, насколько он пожелает.

Поппи набрала в грудь воздуха.

– Тем не менее я уйду, – спокойно отозвалась она и направилась к двери.

Он опередил ее и уперся в дверь ладонью.

Поппи пронзил приступ тревоги. Она повернулась к нему лицом, ощущая бешеное биение пульса. Он стоял слишком близко, почти касаясь ее своим высоким сильным телом. Она отпрянула, прижавшись к стене.

- Прежде чем вы уйдете, - вкрадчиво произнес он, - я хотел бы дать вам совет. Для молодой женщины небезопасно бродить по отелю. Постарайтесь впредь не рисковать так глупо.

Поппи напряглась.

- Это приличный отель, - сказала она. - Уверена, мне нечего бояться.

- Напрасно, - возразил он. - Вы просто напрашиваетесь на неприятности.

И прежде чем она успела сообразить, что происходит, он склонил голову и завладел ее губами.

Потрясенная, Поппи не шелохнулась, отдаваясь обжигающему поцелую, такому нежному и вместе с тем требовательному, что не заметила, как ее губы приоткрылись. Одной рукой он обхватил ее подбородок, заставив запрокинуть голову, а другой обнял за талию, притянув к себе. С каждым вдохом Поппи вбирала его запах, пьянящую смесь мускуса, чистого белья и мужской кожи. Ей следовало бы сопротивляться, но его губы были такими нежными и настойчивыми, они возбуждали, дразнили и обещали. Они переместились на ее шею, где пульсировала жилка, и двинулись ниже, рассылая по телу мурашки, пока она не задрожала и не выгнулась назад.

- Нет, - произнесла она слабым голосом, отстранившись от него.

Незнакомец взял ее за подбородок и заставил взглянуть на него. Они оба замерли. Встретив его испытующий взгляд, Поппи уловила в нем смесь замешательства и досады, словно он сделал какое-то неприятное открытие.

Он отпустил ее и распахнул дверь.

- Поставь на стол, - велел он горничной, которая ждала за порогом с большим серебряным подносом в руках.

Девушка поспешно повиновалась, слишком хорошо вышколенная, чтобы выказать удивление по поводу присутствия Поппи в комнате.

Незнакомец подошел к Доджеру, который успел заснуть в кресле, поднял его и, вернувшись к Поппи, протянул ей. Глаза Доджера были закрыты, сливаясь с черной маской на его мордочке. Поппи прижала к себе зверька, ощущая под пальцами биение его крохотного сердечка и шелковистый подшерсток на брюшке.

- Что-нибудь еще, сэр? - спросила горничная.

- Да. Проводи леди до ее номера. А потом зайдешь ко мне, чтобы сообщить, что она благополучно добралась.

- Слушаюсь, мистер Ратледж.

Мистер Ратледж?

Поппи взглянула на незнакомца. Его зеленые глаза дьявольски поблескивали, словно он забавлялся ее изумлением.

Гарри Ратледж... таинственный и неуловимый хозяин отеля... оказавшийся совсем не таким, каким она его представляла.

Озадаченная и смущенная, Поппи отвернулась и перешагнула через порог. Дверь с легким щелчком закрылась за ней. Как нехорошо с его стороны развлекаться за ее счет! Утешив себя мыслью, что никогда больше его не увидит, она двинулась по коридору вместе с горничной... даже не подозревая, что вся ее жизнь только что круто изменилась.

Глава 3

Гарри подошел к камину и уставился на огонь.

– Поппи Хатауэй, – прошептал он, словно это было магическим заклинанием.

Пару раз он видел ее издалека, когда Поппи садилась в карету перед отелем, и на балу, который давали в «Ратледже». Гарри не присутствовал на балу, но наблюдал за танцами с балкона. Несмотря на красоту и волосы цвета красного дерева, он не обратил на нее особого внимания.

Однако личная встреча явилась для него открытием.

Он шагнул к креслу, собираясь сесть, когда заметил порванный бархат и клочья ваты, оставленные хорьком, и, улыбнувшись, сел в другое кресло.

Поппи. Какой безыскусной она выглядела, расхаживая среди его сокровищ и болтая об астрологиях и францисканских монахах. Она говорила так оживленно и красочно, словно разбрасывала конфетти. Она излучала лукавство и бодрость, которые могли бы раздражать, но вместо этого доставили ему удовольствие. В ней было то, что французы называют изюминкой, какая-то... живость ума и души. А ее лицо было одновременно невинным и знающим.

Он хотел ее.

Обычно Джей Гарри Ратледж получал любую вещь, прежде чем успевал захотеть. В его упорядоченной жизни еда подавалась до того, как он успевал проголодаться, галстуки заменялись раньше, чем приобретали несвежий вид, отчеты появлялись на столе, не дожидаясь указаний. А женщины всегда были доступны и говорили ему то, что, по их мнению, он желал услышать.

Гарри сознавал, что ему давно пора жениться. Во всяком случае, так утверждали большинство его знакомых, хотя он догадывался, что, надев петлю себе на шею, они хотели, чтобы он сделал то же самое. Гарри относился к этой идее без энтузиазма. Но Поппи Хатауэй была слишком соблазнительной, чтобы сопротивляться.

Сунув руку в левый рукав, он вытащил письмо, адресованное Поппи Хатауэй достоверным Майклом Бейнингом. Гарри задумался, вспоминая, что ему известно о нем. Бейнинг обучался в Винчестере, где его склонность к наукам нашла свое применение. В отличие от других молодых людей он никогда не влезал в долги и не был замешан в скандалах. У него была приятная внешность,

привлекавшая женщин, а еще больше их влекли титул и состояние, которые он должен был унаследовать со временем.

Нахмурившись, Гарри начал читать.

«Любовь моя!

Вспоминая о нашей последней встрече, я целую место на своем запястье, куда капнули ваши слезы. Как вы могли не поверить, что я оплакиваю каждый день и ночь, проведенные в разлуке с вами? Я не в состоянии думать ни о ком, кроме вас. Ни на секунду не сомневайтесь, что я схожу с ума от любви.

Если вы потерпите еще немного, я найду возможность поговорить со своим отцом. Когда он поймет, насколько глубоки и неизменны мои чувства к вам, уверен, он одобрит наш союз. Мы с отцом очень близки, и он всегда говорил, что желает для меня такого же счастливого брака, какой был у него с моей матерью, упокой Господь ее душу. Вот кто оценил бы по достоинству, Поппи, ваш рассудительный и счастливый характер, вашу любовь к семье и дому. Если бы только она была здесь, чтобы помочь мне убедить отца, что для меня не будет лучшей жены, чем вы!

Дождитесь меня, Поппи, как я жду вас.

Навеки ваш, М...»

Гарри издал тихий смешок, глядя на охваченное пламенем полено, которое с треском расколосось, дохнув жаром, и рассыпало искры. Лицо его было неподвижно, но мозг лихорадочно работал, строя планы. Бейнинг готов ждать? Непостижимо, если учесть, что каждая клеточка в теле Гарри была заряжена нетерпением.

Сложив письмо с осторожностью человека, имеющего дело с ценной бумагой, Гарри сунул его в карман сюртука.

Семья Хатауэй снимала в отеле «Ратледж» апартаменты. Оказавшись в безопасности своих комнат, Поппи устроила Доджера в его любимом спальном месте – корзинке, устланной изнутри мягкой тканью. Хорек даже не проснулся, обмякший, как меховой коврик.

Выпрямившись, Поппи прислонилась к стене, закрыла глаза и испустила долгий прерывистый вздох.

Зачем он это сделал?

И, что более важно, почему она это позволила?

Это был не тот поцелуй, которым мужчина одаривает невинную девушку. Как она могла поставить себя в такое положение? Поппи сгорала со стыда за собственное поведение. Поступи так другая, она осудила бы ее самым суровым образом. Ведь Поппи так уверена в своих чувствах к Майклу.

Почему же тогда поцелуй Гарри Ратледжа вызвал в ней такой отклик?

Жаль, что она не может ни с кем посоветоваться, но самое лучшее, что она может сделать в данной ситуации, так это забыть о встрече с Гарри Ратледжем.

Придав своему лицу беспечное выражение, Поппи постучала в дверь комнаты своей компаньонки.

– Мисс Маркс?

– Я не сплю, – отозвался слабый голос.

Поппи вошла в крохотную спальню и обнаружила, что мисс Маркс стоит возле умывальника в ночной рубашке.

Она выглядела ужасно: бледная, со взлохмаченными русыми волосами... Обычно ее волосы были заплетены в косы и уложены в аккуратный пучок. Развернув пакетик с порошком, она высыпала его содержимое на язык и запила глотком воды.

– О боже, – мягко произнесла Поппи. – Я могу чем-нибудь помочь?

Мисс Маркс покачала головой и поморщилась:

– Нет, Поппи. Спасибо.

– Опять кошмары? – спросила Поппи, участливо наблюдая за своей компаньонкой, которая подошла к комоду, чтобы достать чулки и белье.

– Да, мне не следовало спать так долго. Прости меня.

– Мне нечего прощать. Я всего лишь хотела бы, чтобы ваши сны были более приятными.

– В большинстве случаев так и бывает. – Мисс Маркс слабо улыбнулась. – Моя самая большая мечта – оказаться в Рамзи-хаусе, среди цветущих деревьев и живых изгородей, где гнездятся поползни. Среди покоя и безопасности. Как мне этого не хватает!

Поппи тоже скучала по Рамзи-хаусу. Лондон, с его суетой и бесконечной чередой развлечений, не шел ни в какое сравнение с Гэмпширом. К тому же она соскучилась по своей старшей сестре Уин, муж которой управлял поместьем.

– Сезон почти закончился, – сказала она. – Мы скоро вернемся домой.

– Если я доживу, – пробормотала мисс Маркс.

Поппи сочувственно улыбнулась:

– Почему бы вам не вернуться в постель? Я положу вам на лоб холодный компресс.

Мисс Маркс была воплощением истинно британского характера, испытывая глубокое презрение ко всему сентиментальному и чувственному. Будучи молодой женщиной, немногим старше Поппи, она обладала сверхъестественной выдержкой и встречала любое бедствие, и ниспосланное свыше, и сотворимое самим человеком, не моргнув глазом. Только однажды она вышла из себя – когда

находилась в обществе Лео, старшего брата Поппи, сарказм которого мисс Маркс не выносила.

Два года назад ее наняли гувернанткой – не для того, чтобы дать младшим сестрам академическое образование, а чтобы преподать им бесчисленные правила этикета, помогающие молодым девушкам вращаться в высшем обществе. Теперь она занимала должность компаньонки и дуэньи.

Поначалу Поппи и Беатрикс были обескуражены обилием светских правил.

– Мы превратим это в игру, – объявила мисс Маркс и сочинила несколько стихотворений, чтобы девушки выучили их наизусть.

Например:

Воспитанные особы, сидя за столом,

Не разговаривают с набитым ртом

И не размахивают руками,

Вооружившись вилками и ножами.

Или когда дело касалось прогулок на публике:

На прогулке веди себя чинно,

Не бегай и не смейся беспричинно,

Не здоровайся с каждым прохожим

И не задирай юбку, показывая ножки.

Для Беатрикс имелись специальные четверостишия:

Собираясь в гости, помни,

Что не все любят животных,

Оставь своих питомцев дома,

Чтоб не шокировать знакомых.

Нестандартный подход сработал, вселив в Поппи и Беатрикс достаточно уверенности, чтобы принять участие в лондонском сезоне, не боясь опозориться. Вся семья была в восторге от талантов и изобретательности мисс Маркс. Кроме Лео, который иронически заметил, что Элизабет Браунинг может не опасаться конкуренции. На это мисс Маркс ответила, будто она сомневается в умственных способностях Лео, позволяющих ему судить о поэзии.

Поппи не представляла, почему ее брат и мисс Маркс испытывают такую взаимную неприязнь.

– Думаю, они тайно влюблены друг в друга, – предположила Беатрикс.

Поппи была так поражена этой идеей, что рассмеялась:

– С чего ты взяла? Они постоянно ссорятся, стоит им оказаться в одной комнате, что, слава богу, не часто случается.

– Ну, если исходить из брачного поведения некоторых животных, например хорьков, не исключено, что это такой стиль ухаживания...

– Ради бога, Беа, перестань говорить о брачном поведении, – перебила ее Поппи, подавив улыбку. Ее девятнадцатилетняя сестра имела обыкновение пренебрегать условностями. – Это вульгарно, и потом... откуда ты знаешь о брачном поведении животных?

– В основном из книг по ветеринарии. А также из наблюдений. Ведь животные не страдают стеснительностью.

– Пожалуй. Но постарайся держать подобные мысли при себе, Беа. Если бы мисс Маркс услышала тебя, она сочинила бы очередное стихотворение и заставила тебя выучить его.

Беатрикс устремила на нее невинный взгляд голубых глаз.

– Юным особам не следует интересоваться... как живые существа рождаются...

– Иначе их компаньонки разозлятся, – закончила Поппи.

Они рассмеялись.

– Ладно, но я не вижу причин, почему они не могут увлечься друг другом, – сказала Беатрикс.

– Не представляю, чтобы Лео увлекся умной женщиной, – возразила Поппи. – Конечно, мисс Маркс весьма привлекательна, особенно в последнее время. Она была такой бледной и худой, когда появилась у нас, что я даже не задумывалась о ее внешности. Но теперь она немного округлилась и очень похорошела.

– Да, – согласилась Беатрикс. – И выглядит намного счастливее. Когда мы встретились впервые, я подумала, что ей пришлось пережить что-то ужасное.

– У меня тоже возникла такая мысль. Интересно, мы когда-нибудь узнаем правду?

Поппи не была уверена в ответе, но, взглянув этим утром на измученное лицо мисс Маркс, подумала, что, возможно, ночные кошмары их компаньонки связаны с ее таинственным прошлым.

Войдя в гардеробную, Поппи прошла взглядом по ряду аккуратных, тщательно отутюженных платьев неброских расцветок со строгими белыми воротничками и манжетами.

– Какое платье вам подать? – спросила она.

– Любое. Не важно.

Поппи выбрала платье из темно-синей шерсти и положила его на неубранную постель, тактично отвернувшись, пока мисс Маркс снимала ночную рубашку и облачалась в сорочку, панталоны и чулки.

Меньше всего ей хотелось волновать мисс Маркс, когда та страдала от головной боли, однако события этого утра были таковы, что требовали признания. Если

есть хоть малейший шанс, что правда о ее утренних похождениях выйдет наружу, будет лучше, если она подготовит свою компаньонку заранее.

– Мисс Маркс, – осторожно начала она. – Не хотелось бы усугублять вашу головную боль, но мне нужно кое-что вам сказать... – Она замолкла, когда мисс Маркс бросила на нее короткий, полный муки взгляд.

– В чем дело, Поппи?

Пожалуй, она выбрала неудачный момент. Собственно... так ли уж необходимо что-либо говорить? Скорее всего она никогда больше не увидит Гарри Ратледжа. Вряд ли он посещает те же места, что Хатауэи. И зачем ему доставлять беспокойство девушке, которая не заслуживает его внимания? Он так же далек от ее мира, как и она от его.

– Вчера за ужином я чем-то капнула на лиф моего розового платья, – на ходу сочинила она. – И теперь там жирное пятно.

– О боже! – Мисс Маркс на секунду задумалась, перестав застегивать крючки корсета. – Надо протереть ткань губкой, смоченной в растворе нашатырного спирта. Надеюсь, это поможет.

– По-моему, отличная идея.

Чувствуя себя чуточку виноватой, Поппи взяла ночную рубашку мисс Маркс и аккуратно сложила.

Глава 4

Джейк Валентайн рос безотцовщиной. Его мать Эдит была прислугой у состоятельного адвоката в Оксфорде, который и стал его отцом. Решив одним махом избавиться от матери и ребенка, адвокат подкупил неотесанного фермера, чтобы тот женился на Эдит. В возрасте десяти лет, достаточно нахлебавшись побоев и притеснений от фермера, Джейк ушел из дому и отправился в Лондон.

В течение следующих десяти лет он работал в кузнице, приобретая внушительные размеры и силу, а также репутацию усердного работника, заслуживающего доверия. Ему никогда не приходило в голову хотеть большего. У него была работа, его желудок был полон, а мир за пределами Лондона не представлял для него интереса.

Но однажды в кузницу вошел темноволосый мужчина и пожелал поговорить с Джейком. Шокированный богатой одеждой и утонченными манерами джентльмена, Джейк покорно ответил на множество вопросов о его личной жизни и опыте работы. А затем незнакомец поразил Джейка, предложив ему должность личного камердинера с жалованьем, во много раз превышающим его тогдашние доходы.

Охваченный подозрением, Джейк поинтересовался, почему незнакомец решил нанять новичка, необразованного, неотесанного и грубоватого на вид.

– Вы могли бы выбрать самого лучшего камердинера в Лондоне, – резонно заметил он. – Зачем вам такой, как я?

– Потому что камердинеры – известные сплетники и знакомы со слугами ведущих семейств по всей Англии и на континенте. У тебя репутация человека, который может держать язык за зубами, что я ценю больше, чем любой опыт. Кроме того, ты выглядишь так, словно можешь постоять за себя в хорошей драке.

Глаза Джейка сузились.

– Зачем камердинеру драться?

Мужчина улыбнулся:

– Ты будешь выполнять для меня разные поручения. Некоторые из них будут легкими, другие посложнее. Ну что? Согласен?

Вот как Джейк начал работать на Джея Гарри Ратледжа, вначале в качестве камердинера, а потом помощника.

Он никогда не встречал человека, похожего на Ратледжа – эксцентричного, заводного, пронизательного и требовательного. Ратледж, как никто другой, разбирался в человеческой натуре. Ему хватало нескольких минут, чтобы оценить человека с абсолютной точностью. Он знал, как заставить людей делать то, что ему нужно, и почти всегда добивался желаемого.

Джейку казалось, что мозг Ратледжа никогда не отключается, даже когда тот спит. Он все время оставался активным. Джейку приходилось видеть, как он, обдумывая проблему, одновременно писал письмо и поддерживал разговор. Его жажда знаний была ненасытной, а память – феноменальной. Стоило ему один раз что-то увидеть, прочесть или услышать, это навсегда оставалось в его памяти. Люди никогда не лгали ему, а тех, кто имел глупость попытаться, он сурово наказывал.

Ратледжу были не чужды проявления доброты и понимания, и он редко выходил из себя. Но Джейк не был уверен, что Ратледж питает какие-либо чувства к своим собратьям. В глубине души он был холоден как лед. И сколько бы Джейк ни знал о Гарри Ратледже, тот оставался для него незнакомцем.

Тем не менее Джейк готов был умереть за него. Будучи требовательным, но справедливым и щедрым хозяином, Ратледж заслужил преданность своих служащих, ревностно оберегавших его уединенный образ жизни. Он был знаком со многими известными людьми, но редко обсуждал свои отношения с ними. И был крайне разборчив в выборе тех, кто допускался в его ближайшее окружение.

Разумеется, его осаждали женщины, и его неистовая энергия часто находила выход в объятиях светских красоток. Но при первых признаках проявления привязанности со стороны женщины Ратледж направлял к ней своего камердинера с письмом, ставившим точку в их отношениях. Джейку приходилось терпеть слезы, ярость и бурные сцены, которые его хозяин предпочитал избегать. Он мог бы посочувствовать этим женщинам, если бы Ратледж не вкладывал в письмо чудовищно дорогое изделие ювелира, служившее утешением для их расстроенных чувств.

В жизни Ратледжа были такие сферы, куда женщины не допускались. Он не разрешал им оставаться в его личных апартаментах на ночь и не позволял заходить в комнату, где хранилась его коллекция редкостей. Именно там он размышлял над самыми сложными проблемами. А если ему не спалось ночью, он

отправлялся в свою мастерскую, где трудился над заводными игрушками из частей часового механизма, жести, бумаги и проволоки, пока его чересчур активный мозг не успокаивался.

Поэтому, когда одна из горничных по секрету сообщила Джейку, что в комнате для редкостей вместе с мистером Ратледжем находилась молодая женщина, он понял, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

Джейк позавтракал на кухне отеля – быстро проглотил яичницу с ветчиной. Обычно он ел медленно, чтобы прочувствовать вкус еды, но сегодня спешил на встречу с хозяином.

– Не торопись, – сказал Андре Бруссар, шеф-повар отеля, взбивавший соус за кухонным столом. Пару лет назад Ратледж переманил его у французского посла. Бруссар был единственным служащим отеля, который спал меньше Ратледжа. Он вставал в три часа утра, чтобы подготовиться к дневным трудам и лично сходить на рынок, где покупал лучшие продукты. Светловолосый и хрупкий на вид, он обладал упорством и волей командующего армией. – Пищу надо жевать, а не заглатывать, – добавил он, устремив на Джейка ироничный взгляд.

– У меня нет времени жевать, – отозвался Джейк, отложив салфетку. – Надо взять список у мистера Ратледжа через, – он сверился со своими карманными часами, – две с половиной минуты.

– Ах да, утренний список, – хмыкнул Бруссар и продолжил, подражая интонациям хозяина отеля: – «Валентайн, надо организовать вечеринку в честь португальского посла, которая состоится здесь в четверг, с пиротехническим представлением в финале. Займись этим. А потом отнесешь в патентное бюро чертежи моего последнего изобретения. На обратном пути зайди на Риджент-стрит и купи шесть французских носовых платков, простых, без рисунка и, упаси боже, без всяких кружев...».

– Достаточно Бруссар, – сказал Джейк, подавив улыбку.

Повар вернулся к своему занятию.

– Кстати, Валентайн, когда узнаешь, кто та девушка, зайди сюда и скажи мне. А в обмен я угощу тебя свежей выпечкой, прежде чем отправлять ее в столовую.

Джейк бросил на него острый взгляд, сузив карие глаза.

- Что еще за девушка?

- Ты прекрасно знаешь, что за девушка. Та, с которой Ратледжа видели сегодня утром.

Джейк нахмурился:

- Кто тебе сказал?

- По меньшей мере три человека упомянули о ней за последние полчаса. Все только и говорят об этом.

- Служащим Ратледжа запрещено сплетничать, - сурово напомнил Джейк.

Бруссар закатил глаза.

- С посторонними да. Но мистер Ратледж никогда не говорил, что нам нельзя сплетничать между собой.

- Не понимаю, почему присутствие этой девушки в комнате для редкостей вызвало такой интерес.

- Хм... может, потому, что Ратледж никого туда не пускает? И все, кто здесь работает, надеются, что он наконец обзаведется женой и перестанет болтаться у них под ногами.

Джейк удрученно покачал головой:

- Сомневаюсь, что он вообще женится. Он женат на отеле.

Шеф-повар бросил на него снисходительный взгляд:

– Плохо ты его знаешь. Мистер Ратледж женится, когда найдет подходящую женщину. Как говорят мои соотечественники, женщину и дыню трудно выбрать. – Он помолчал, глядя, как Джейк застегивает свой сюртук и расправляет галстук. – Надеюсь, тебе будет что рассказать, когда вернешься, *mon ami*.

– Тебе отлично известно, что я никогда не рассказываю о личных делах Ратледжа.

Бруссар вздохнул:

– Предан до мозга костей. Наверное, прикажи Ратледж тебе убить, ты бы это сделал?

Хотя вопрос был задан легким тоном, серые глаза шеф-повара пристально сощурились. Никто, даже Джейк, не был до конца уверен, на что способен Гарри Ратледж, и никто не знал, как далеко заходит преданность Джейка.

– Он не просил этого, – ответил Джейк и, помедлив, добавил: – Пока.

Выйдя из кухни, Джейк поспешил к апартаментам хозяина, располагавшимся на третьем этаже. Он воспользовался черной лестницей, предназначенной для служащих и хозяйственных нужд. Кое-кто из встречных пытался обратиться к нему с вопросами, но Джейк только качал головой, ускоряя шаг. Он взял себе за правило никогда не опаздывать на утренние совещания с хозяином. Они не занимали много времени, не более четверти часа, но Ратледж требовал пунктуальности.

Вход в апартаменты Ратледжа располагался в задней части небольшой гостиной, отделанной мрамором и украшенной бесценными произведениями искусства. Отсюда по внутреннему коридору и потайной лестнице можно было спуститься к не приметной двери, позволявшей входить и выходить из отеля, не привлекая внимания. Ратледж, любивший держать всех под контролем, не допускал того же в отношении себя. Обычно он ел в одиночестве и уходил когда вздумается, никого не предупредив и не сказав, когда вернется.

Джейк постучал в дверь и дождался приглушенного разрешения войти.

Номер представлял собой четыре смежные комнаты, которые при желании можно было расширить до пятнадцати.

– Доброе утро, мистер Ратледж, – сказал он, войдя в кабинет.

Хозяин отеля сидел за массивным столом красного дерева, оборудованным ящиками и полочками. Как обычно, стол был завален папками, бумагами, книгами, корреспонденцией, визитными карточками и письменными принадлежностями. Ратледж был занят тем, что запечатывал письмо, прижав печать к расплавленному воску.

– Доброе утро, Валентайн. Как дела в отеле?

Джейк вручил ему пачку ежедневных отчетов управляющих.

– Все в порядке, не считая претензий дипломатов из Нагарая.

– Вот как?

Крохотное королевство Нагарая, зажатое между Бирмой и Сиамом, только что заключило союз с Британией. Оказав помощь в изгнании сиамских завоевателей, британцы сделали королевство своим протекторатом, тем самым гарантировав защиту британского льва. Поскольку британцы вели военные действия против Бирмы, присоединяя одну провинцию за другой, нагараяне пытались сохранить самоуправление. С этой целью они прислали в Англию трех высокопоставленных представителей с дипломатической миссией и драгоценными подарками для королевы Виктории.

– Персоналу отеля, – сообщил Джейк, – пришлось трижды менять им комнаты, когда они прибыли вчера днем.

Брови Ратледжа приподнялись.

– Им не понравились комнаты?

– Не сами комнаты, а их номера, которые показались им подозрительными с точки зрения нагараянских суеверий. В конечном итоге мы остановились на

номере двести восемнадцать. Однако спустя некоторое время управляющий вторым этажом уловил запах дыма, исходивший из их апартаментов. Кажется, они проводили церемонию, в которой открытый огонь разжигают на бронзовом блюде. К несчастью, огонь вырвался из-под контроля и опалил ковер.

Губы Ратледжа изогнулись в улыбке.

– Насколько я помню, у нагараян есть церемонии для всех случаев жизни. Позаботься о том, чтобы им предоставили подходящий номер, где можно зажигать столько жертвенных огней, сколько им понадобится, без риска сжечь отель дотла.

– Слушаюсь, сэр.

Ратледж взял пачку отчетов управляющих и принялся просматривать.

– Насколько заполнен отель? – поинтересовался он, не поднимая глаз.

– На девяносто пять процентов.

– Отлично. – Он углубился в чтение отчетов.

В молчании, которое последовало, Джейк позволил себе скользнуть взглядом по столу хозяина и заметил письмо от достопочтимого Майкла Бейнинга, адресованное Поппи Хатауэй.

Интересно, задался он вопросом, как оно оказалось у Ратледжа? Поппи Хатауэй была одной из представительниц семьи, остановившейся в Ратледже во время лондонского сезона. Подобно другим аристократическим семействам, не имевшим лондонской резиденции, они были вынуждены либо снимать меблированный особняк, либо останавливаться в отеле. Хатауэй были верными постояльцами отеля в течение трех лет. Возможно ли, что Поппи и есть та девушка, с которой видели Ратледжа этим утром?

– Валентайн, – произнес его хозяин небрежным тоном. – Одно из кресел в моей комнате для редкостей нуждается в ремонте из-за небольшого происшествия, случившегося сегодня утром.

Джейк знал, что лучше не задавать вопросов, но не смог удержаться.

- Какого происшествия, сэр?

- С хорьком. Похоже, он пытался устроить в нем свое гнездышко.

«Хорек? Определенно это происшествие связано с Хатауэями».

- Животное до сих пор там? - поинтересовался он.

- Нет, его забрали.

- Одна из сестер Хатауэй? - догадался Джейк.

Холодные зеленые глаза предостерегающе блеснули.

- Собственно говоря, да. - Ратледж отложил отчеты в сторону, откинувшись в кресле. Его расслабленная поза противоречила постукиванию пальцев по столу. - У меня для тебя несколько поручений, Валентайн. Во-первых, ты отправишься в резиденцию виконта Эндоувера на Аппер-Брук-стрит и договоришься о личной встрече между ним и мной в течение следующих двух дней, предпочтительно здесь. Дай понять, что никто не должен знать об этом, и доведи до сведения Эндоувера, что это дело величайшей важности.

- Слушаюсь, сэр. - Вряд ли с этим возникнут сложности. Все, с кем хотел встретиться Гарри Ратледж, соглашались без всякого отлагательства. - Виконт Эндоувер - отец мистера Майкла Бейнинга, не так ли?

- Так.

«Что, к дьяволу, происходит?»

Прежде чем Джейк успел что-либо сказать, Ратледж перешел к следующему поручению.

– Далее, передашь вот это, – он вручил Джейку папку, перетянутую кожаной тесемкой, – сэру Джеральду из военного ведомства, непосредственно в руки. Затем отправишься к ювелиру и купишь ожерелье или браслет. Что-нибудь изящное, Валентайн. И доставишь его в дом миссис Ролингс.

– С вашими комплиментами? – уточнил Джейк с надеждой.

– Нет, с этим письмом. – Ратледж протянул ему запечатанное письмо. – Я намерен избавиться от нее.

Лицо Джейка вытянулось. Господи, его ждет очередная сцена.

– Сэр, я предпочел бы прогуляться в восточную часть Лондона и помериться кулаками с уличными воришками.

Ратледж улыбнулся:

– Возможно, тебе представится такая возможность, но позже.

Джейк одарил хозяина красноречивым взглядом и вышел.

Поппи прекрасно отдавала себе отчет в том, что с точки зрения брачной привлекательности у нее есть достоинства и недостатки.

Достоинство: ее семья богата, что предполагало солидное приданое.

Недостаток: Хатауэи не могли похвастаться ни влиянием, ни голубой кровью, несмотря на титул Лео.

Достоинство: она привлекательна.

Недостаток: она болтлива и стеснительна, особенно поначалу, когда нервничает, что усугубляет обе проблемы.

Достоинство: аристократия не могла позволить себе прежнюю разборчивость. Власть знати шла на убыль, а влияние промышленников и торговцев

стремительно росло. Поэтому браки между состоятельными простолюдинами и обедневшими дворянами стали не редкостью. Все чаще аристократам, образно выражаясь, приходилось зажимать носы и смешиваться с низшими классами.

Недостаток: отец Майкла Бейнинга был виконтом и придерживался высоких стандартов, особенно если это касалось его сына.

– Вряд ли виконт откажется рассматривать этот брак, – сказала ей мисс Маркс. – Возможно, у него безупречная родословная, но, судя по всему, их состояние таеет. Его сыну придется жениться на девушке из состоятельной семьи. Это вполне могут быть Хатауэй.

– Надеюсь, вы правы, – с чувством отозвалась Поппи.

Она не сомневалась, что будет счастлива, став женой Майкла Бейнинга. Он был умен, добродушен и смешлив... У него были манеры прирожденного джентльмена, получившего хорошее воспитание. Поппи любила его, хотя это была не пылкая страсть, а ровное теплое чувство. Ей нравился его характер, спокойный и уверенный, без намека на высокомерие. Ей нравилась его внешность, хотя истинная леди не призналась бы в подобной слабости. Но у него были густые каштановые волосы, мягкие карие глаза и высокая тренированная фигура.

Когда Поппи встретила Майкла, она сразу же влюбилась в него. Казалось, все произошло слишком легко.

– Надеюсь, вы не играете со мной, – сказал Майкл однажды, когда они прогуливались по картинной галерее во время одной из лондонских вечеринок. – То есть я надеюсь, что не ошибся, приняв обычную вежливость за нечто большее. – Они остановились перед пейзажем, написанным маслом. – Правда в том, мисс Хатауэй... Поппи... что каждая минута в вашем обществе доставляет мне такое удовольствие, что я с трудом выношу разлуку с вами.

Поппи подняла на него изумленный взгляд.

– Неужели это возможно? – прошептала она.

– Что я люблю вас? – переспросил он тоже шепотом, изогнув губы в иронической улыбке. – Поппи Хатауэй, вас невозможно не любить.

Поппи прерывисто выдохнула, преисполнившись радости.

– Мисс Маркс не объяснила мне, как вести себя в подобной ситуации.

Майкл усмехнулся и склонился ближе, словно делился чрезвычайно важным секретом:

– Я бы не возражал против скромного поощрения.

– Я тоже люблю вас.

– Возможно, это не слишком скромно. – Его карие глаза блеснули. – Но очень приятно.

Им приходилось проявлять осторожность. Отец Майкла, виконт Эндоувер, всякими способами опекал сына. По словам Майкла, он был хорошим человеком, но суровым. Майкл попросил дать ему время, чтобы выбрать подходящий момент и убедить отца в правильности своего выбора. Поппи готова была дать Майклу столько времени, сколько ему понадобится.

Остальные Хатауэй, однако, были не столь сговорчивы. Для них Поппи была сокровищем и заслуживала, чтобы за ней ухаживали открыто и с гордостью.

– Может, мне следует пойти и обсудить ситуацию с Эндоувером? – предложил Кэм Роан, когда семья собралась в гостиной их номера в отеле после ужина. Он сидел на диване рядом с Амелией, которая держала на руках их шестимесячного ребенка. Мальчику дали имя Коул, но пока в семье его называли цыганским именем Рай.

Поппи и мисс Маркс занимали другой диван, а Беатрикс расположилась на полу у камина, лениво играя с одним из своих питомцев, ежихой по кличке Медуза. Доджер мрачно выглядывал из своей корзинки, зная по горькому опыту, насколько неразумно связываться с Медузой и ее колючками.

Поппи задумчиво нахмурилась, подняв глаза от рукоделия.

– Не думаю, что это поможет, – с сожалением сказала она, обращаясь к зятю. – Я знаю, что ты можешь быть весьма убедительным... но Майкл очень тверд в том, что касается его отца.

Кэм ненадолго задумался. С черными волосами, чуть более длинными, чем было принято, смуглой кожей и бриллиантовой серьгой в ухе он выглядел скорее как языческий принц, а не бизнесмен, сделавший состояние на инвестициях в фабричное производство. С тех пор как женился на Амелии, он был фактическим главой семейства Хатауй. Ни один человек на свете не смог бы управлять ими так умело, как это делал Кэм.

«Мой табор», – шутил он.

– Послушай, сестричка, – сказал он, обращаясь к Поппи, – как говорят цыгане, дерево без солнца не плодоносит. – Голос его звучал расслабленно, но взгляд оставался пристальным. – Не вижу причин, почему Бейнинг не может попросить разрешения ухаживать за тобой и делать это открыто, как полагается в таких случаях.

– Кэм, – осторожно сказала Поппи. – Я знаю, что у цыган более... прямолинейный подход к ухаживанию...

При этих словах Амелия подавила смешок. Кэм не повел и ухом. Мисс Маркс выглядела удивленной, явно не подозревая, что цыганская традиция ухаживания предполагала похищение невесты прямо из постели.

– Но ты прекрасно знаешь, – продолжила Поппи, – что для британской аристократии это куда более деликатная процедура.

– Вообще-то, – сухо заметила Амелия, – насколько я могла заметить, британская аристократия заключает брачные договора с сентиментальностью банкиров.

Поппи скорчила хмурюю гримасу.

– Амелия, ты на чьей стороне?

– На твоей, конечно. – В голубых глазах Амелии отразилась искренняя забота. – Именно поэтому я против тайного ухаживания... постоянно делать вид, будто вы встретились случайно, ни разу не прокатиться вместе в парке... В этом есть что-то постыдное. Неловкое. Слово ты какой-то неприличный секрет.

– Ты хочешь сказать, что сомневаешься в намерениях мистера Бейнинга?

– Вовсе нет. Просто мне не нравятся его методы.

Поппи коротко вздохнула:

– Я не самый благопристойный выбор для сына пэра королевства. Поэтому мистеру Бейнингу приходится действовать осторожно.

– Ты самая благопристойная в нашем семействе, – возразила Амелия.

Поппи одарила ее мрачным взглядом.

– Быть самой благопристойной из Хатауэев – едва ли здесь есть чем хвастаться.

Раздосадованная ее упрямством, Амелия перевела взгляд на ее компаньонку.

– Мисс Маркс, моя сестра, похоже, убеждена, что ее семья настолько странная и так отличается от других семейств, что мистер Бейнинг должен пускаться на всяческие ухищрения, а не отправиться к своему отцу и, как полагается мужчине, сказать: «Я намерен жениться на Поппи Хатауэй и хотел бы получить твое благословение». Не могли бы вы объяснить мне причину такой осторожности со стороны мистера Бейнинга?

В кои-то веки мисс Маркс, казалось, не нашла слов.

– Не ставь ее в неловкое положение, – вмешалась Поппи. – Вот факты, Амелия. Вы с Уин поженились в цыганском таборе, Лео – известный повеса, у Беатрикс больше домашних питомцев, чем в Королевском зоологическом обществе, а я родею в свете и не способна вести подобающий разговор даже ради спасения собственной жизни. Неужели так трудно понять, почему мистер Бейнинг не может сообщить своему отцу новости без предварительной подготовки?

Амелия явно хотела возразить, но вместо этого пробормотала:

- По-моему, светские разговоры очень скучны.

- По-моему, тоже, - мрачно согласилась Поппи. - В этом вся проблема.

Беатрикс подняла глаза от ежа, свернувшегося в клубок в ее руках.

- А мистер Бейнинг интересный собеседник?

- Тебе не пришлось бы спрашивать, - вставила Амелия, - если бы он осмелился прийти сюда с визитом.

- Пожалуй, - поспешно сказала мисс Маркс, прежде чем Поппи успела парировать ехидную реплику сестры, - мы могли бы всей семьей пригласить мистера Бейнинга сопровождать нас на цветочную выставку в Челси послезавтра. Это позволит нам провести с ним достаточно времени, чтобы получить некоторое представление о его намерениях.

- Отличная идея! - воскликнула Поппи. Совместное посещение цветочной выставки было куда более благоразумным и безобидным решением проблемы, чем если бы Майкл нанес им визит в Ратледже. - Уверена, разговор с мистером Бейнингом успокоит твою тревогу, Амелия.

- Надеюсь, - отозвалась ее сестра без особой убежденности в голосе. Слегка нахмурившись, она переключила свое внимание на мисс Маркс. - Как компаньонка Поппи вы гораздо чаще видели этого неуловимого ухажера, чем я. Каково ваше мнение о нем?

- По моим наблюдениям, - осторожно сказала та, - мистер Бейнинг достойный молодой человек и пользуется всеобщей симпатией. У него прекрасная репутация, он не соблазнял женщин, не транжирил деньги, не устраивал дебоши в публичных местах. Короче говоря, он полная противоположность лорду Рамзи.

- Это свидетельствует в его пользу, - серьезно произнес Кэм, но его золотистые глаза весело блеснули. - Почему бы тебе не послать ему приглашение,

дорогая? – обратился он к своей жене.

Губы Амелии дрогнули в иронической улыбке.

– Ты готов добровольно отправиться на цветочную выставку?

– Я обожаю цветы, – отозвался он невинным тоном.

– Да, когда они покрывают луга и пустоши. Но ты терпеть не можешь, когда они выращены на клумбах или в аккуратных ящичках.

– Ничего, пару часов я выдержу, – заверил ее Кэм, лениво играя локоном, падавшим ей на шею. – Полагаю, стоит приложить некоторые усилия, чтобы породниться с Бейнингом. – Он улыбнулся, добавив: – Нам не помешает иметь хотя бы одного респектабельного мужчину в семействе, не так ли?

Глава 5

На следующий день Майклу Бейнингу было послано приглашение, и, к восторгу Поппи, оно было сразу же принято.

– Теперь это только вопрос времени, – сказала Поппи Беатрикс, едва сдерживаясь, чтобы не запрыгать от волнения, как это делал Доджер.

– Я стану миссис Майкл Бейнинг, я люблю его, я люблю всех и все... даже этого старого вонючего хорька, Беа!

Позже утром Поппи и Беатрикс оделись для прогулки. Стояла теплая ясная погода, и сад отеля, изрезанный аккуратными, посыпанными гравием дорожками, утопал в цветах.

– Мне не терпится выйти наружу, – сказала Поппи, глядя в окно на сад. – Здесь так красиво, почти как в Гэмпшире.

– Не вижу никакого сходства с Гэмпширом, – возразила Беатрикс. – Здесь все слишком упорядоченно. Но мне нравится гулять в розарии Ратледжа. Там так чудесно пахнет. Знаешь, несколько дней назад, когда мы вышли прогуляться с Кэмом и Амелией, я разговаривала с главным садовником, и он дал мне рецепт подкормки, от которой розы становятся крупными и здоровыми.

– И что это?

– Рыбный бульон, немного уксуса и щепотка сахара. Он опрыскивает им кусты перед самым цветением.

Поппи сморщила нос:

– Какой ужасный состав.

– Главный садовник сказал, что этот старик, Ратледж, любит розы, и ему привозят экзотические сорта со всего света. Например, лавандовые розы из Китая, «Девичий румянец» из Франции...

– Разве Ратледж – старик?

– Вообще-то садовник этого не говорил, просто у меня сложилось такое мнение.

– Почему?

– Ну, он такой таинственный и никому не показывается на глаза. Это напоминает мне историю о безумном старом короле Георге, запертом в своих покоях в Виндзорском замке. – Беатрикс усмехнулась. – Возможно, они держат его на чердаке.

– Беа, – прошептала Поппи, охваченная неодолимым желанием довериться сестре. – Есть кое-что, о чем мне не терпится рассказать тебе, но это должно остаться тайной.

Глаза Беатрикс заинтересованно вспыхнули.

– Что?

– Вначале пообещай, что никому не скажешь.

– Обещаю.

– Поклянись чем-нибудь.

– Клянусь святым Франциском, покровителем всех животных. – Увидев нерешительность Поппи, Беатрикс вдохновенно добавила: – Я ничего не скажу, даже если меня похитит шайка пиратов и увезет на свой корабль, угрожая бросить за борт, где кишат акулы. Даже если меня свяжут и оставят на пути табуна лошадей с железными подковами, а единственным спасением будет выдать похитителям твою тайну...

– Ладно, будем считать, что ты меня убедила, – усмехнулась Поппи и добавила, понизив голос: – Я встретила мистера Ратледжа.

Голубые глаза Беатрикс округлились.

– Правда? Когда?

– Вчера утром. – И Поппи рассказала ей всю историю, описав потайной коридор, комнату редкостей и самого мистера Ратледжа. Единственное, что она опустила, был поцелуй, которого, насколько это касалось ее, вообще не было.

– Я ужасно сожалею о поведении Доджера, – произнесла Беатрикс с покаянным видом. – Извини, Поппи.

– Все в порядке, Беа. Вот только... жаль, что он потерял письмо. Будем надеяться, что никто его не найдет.

– Значит, мистер Ратледж не дряхлый безумец? – спросила Беатрикс с явным разочарованием.

– Конечно, нет.

– А как он выглядит?

– Вообще-то он довольно красив. Высокий и...

– Как Меррипен?

Кев Меррипен остался жить у Хатауэев после того, как на его табор напали англичане, которым хотелось выдворить цыган из страны. Мальчика бросили умирать, но Хатауэи взяли его к себе и выходили. Недавно он женился на их второй по старшинству сестре, Уинифрид. Меррипен взвалил на себя грандиозную задачу по управлению поместьем в отсутствие Лео. Молодожены были вполне счастливы, оставаясь в Гэмпшире во время сезона и наслаждаясь красотой и относительным уединением Рамзи-хауса.

– Таких высоких, как Меррипен, не бывает, – сказала Поппи. – Что не мешает мистеру Ратледжу быть высоким. У него темные волосы и пронзительные зеленые глаза... – При этом воспоминании ее желудок неожиданно сократился.

– Он тебе понравился?

Поппи помедлила, колеблясь.

– Трудно сказать... Мистер Ратледж сбивает с толку. При всем его обаянии чувствуется, что он способен практически на все. Он похож на злого ангела из поэмы Уильяма Блейка.

– Хотелось бы взглянуть на него, – задумчиво произнесла Беатрикс. – А еще больше мне хотелось бы побывать в комнате редкостей. Я завидую тебе, Поппи. Как давно со мной не случилось ничего интересного.

Поппи негромко рассмеялась:

– Неужели? И это при том, что лондонский сезон в самом разгаре?

Беатрикс закатила глаза:

– Лондонский сезон так же интересен, как гонки улиток.

– Девушки, я готова, – бодро произнесла мисс Маркс, войдя в комнату. – Не забудьте захватить зонтики, если не хотите загореть на солнце.

Вся троица вышла из номера и чинно двинулась по коридору. Повернув в сторону парадной лестницы, они обнаружили, что в фешенебельном отеле царит необычное оживление.

Слышались возбужденные, даже сердитые мужские голоса, в некоторых угадывался иностранный акцент, снизу доносился топот ног и скрежет металла.

– Что за черт... – пробормотала мисс Маркс себе под нос.

Свернув за угол, все три женщины резко остановились при виде полдюжины мужчин, столпившихся возле лифта для провизии. Кто-то вскрикнул.

– Это женщина? – спросила Поппи, побледнев. – Или ребенок?

– Оставайтесь здесь, – обеспокоенно произнесла мисс Маркс. – Я попробую выяснить, в чем дело.

Все трое вздрогнули от панических воплей, прорезавших воздух.

– Это ребенок, – сказала Поппи, шагнув вперед, несмотря на запрет мисс Маркс. – Мы должны как-то помочь.

Беатрикс опередила ее, кинувшись бегом.

– Это не ребенок, – бросила она через плечо. – Это обезьяна!

Глава 6

Мало какое занятие доставляло Гарри Ратледжу такое удовольствие, как фехтование, особенно потому, что оно вышло из употребления. Шпага больше не являлась средством защиты или модным аксессуаром, и только военные и

немногочисленные любители продолжали практиковаться в искусстве владеть ею. Но Гарри нравилась элегантная точность этого оружия, требовавшая физической и умственной дисциплины. Фехтовальщику приходилось заранее просчитывать последовательность движений, что было естественным для Гарри Ратледжа.

Год назад он вступил в фехтовальный клуб, состоявший примерно из сотни членов, включая аристократов, банкиров, актеров, политиков и военных из разных родов войск. Три раза в неделю он встречался в клубе с компанией доверенных друзей, и они устраивали поединки под бдительным оком тренера. Хотя в клубе имелись комнаты для переодевания и душевые, там часто была очередь, и Гарри обычно уходил домой сразу же после тренировки.

В это утро тренировка была особенно напряженной. Тренер обучал их технике ведения боя сразу с двумя противниками. Это был увлекательный вызов, но все участники устали и обзавелись синяками. Гарри получил два удара в грудь и взмок от пота.

Он вернулся в отель, все еще облаченный в белый фехтовальный костюм, сняв лишь защитный кожаный панцирь. Ему не терпелось принять душ, но довольно быстро стало ясно, что с душем придется подождать.

Когда он вошел в отель через боковую дверь, его встретил один из управляющих, молодой человек в очках по имени Уильям Каллип. Его лицо осунулось от беспокойства.

– Мистер Ратледж, – произнес он извиняющимся тоном. – Мистер Валентайн поручил мне передать вам, как только вы вернетесь, что у нас... возникли затруднения...

Гарри молчал, терпеливо ожидая продолжения. Это был единственный способ получить сведения от Каллипа.

– Это связано с нагараянскими дипломатами, – сообщил управляющий.

– Опять пожар?

– Нет, сэр. Это связано с одним из подарков, которые нагараяне собирались преподнести королеве завтра. Он исчез.

Гарри нахмурился, представив себе коллекцию драгоценных камней и произведений искусства, которые нагараяне привезли с собой.

– Их имущество хранилось в запертой комнате в подвале. Как оно могло пропасть?

Каллип испустил прерывистый выдох.

– Боюсь, сэр, оно сбежало.

Брови Гарри приподнялись.

– Каким образом, Каллип?

– Среди подарков, которые нагараяне привезли для королевы, имелась пара редких животных, голубых макак, которые водятся только в нагараянском тиковом лесу. Их должны были поместить в зоологический сад Риджент-Парка. Видимо, макак держали в отдельных клетках, но одна из них как-то сумела открыть замок и...

– Черт знает что! – возмутился Гарри, ощутив вспышку гнева. Однако ему удалось продолжить, не повышая голоса: – Могу я спросить, почему никто не потрудился предупредить меня, что мы приютили в отеле пару обезьян?

– По этому вопросу, сэр, возникла путаница. Видите ли, мистер Лафтон уверен, что он включил этот факт в отчет, но мистер Валентайн говорит, что ничего подобного там не было. В общем, сейчас все заняты поисками, стараясь не привлекать внимания постояльцев.

– Каллип. – Гарри стиснул зубы, стараясь сохранить спокойствие. – Сколько времени макака отсутствует?

– По нашим оценкам, не менее сорока пяти минут.

– Где Валентайн?

– Я слышал, что он поднялся на третий этаж. Одна из горничных обнаружила возле лифта для провизии что-то похожее на помет.

– Помет обезьяны возле лифта для провизии, – повторил Гарри, не веря собственным ушам.

«Иисусе! Не хватает только, чтобы кто-нибудь из престарелых постояльцев отеля скончался от испуга, когда на него вдруг прыгнет дикое животное, или, не дай бог, обезьяна укусит женщину или ребенка. Или произойдет что-нибудь другое, столь же возмутительное».

Он не представлял, как найти это чертово животное. Отель был настоящим лабиринтом, с множеством коридоров, переходов и лестниц. Потребуется несколько дней, в течение которых Ратледж не будет знать ни минуты покоя. Он потеряет бизнес. И хуже всего, он станет предметом для шуток на долгие годы. К тому времени, когда шутники покончат с ним...

– Клянусь Богом, чьи-то головы покатаются с плеч, – произнес он с такой убийственной вкрадчивостью, что Каллип вздрогнул. – Отправляйся в мои апартаменты, Каллип, и возьми из ящика красного дерева в моем кабинете «дрейзе».

Управляющий опешил.

– «Дрейзе», сэр?

– Револьвер. Это единственный капсюльный револьвер в ящике.

– Капсюльный...

– Коричневый, – терпеливо произнес Гарри. – С длинным дулом.

– Слушаюсь, сэр!

– И ради бога, не направляй его ни на кого. Он заряжен.

Все еще сжимая шпагу, Гарри помчался вверх по задней лестнице. Перескакивая через две ступеньки, он пронесся мимо двух потрясенных горничных, которые несли корзины с бельем.

Добравшись до третьего этажа, он направился к лифту для провизии, где нашел Валентайна, всех трех нагараянских дипломатов и Бримли, управляющего этажом. Мужчины столпились вокруг открытой шахты лифта, заглядывая внутрь. Неподалеку стояла клетка из дерева и металла.

– Валентайн, – резко произнес Гарри, подойдя к своему помощнику, – вы нашли ее?

Джейк Валентайн бросил на него встревоженный взгляд:

– Она забралась по веревке, которая приводит в движение лифт. И сейчас сидит на крыше подвижной кабины. Каждый раз, когда мы пытаемся опустить ее, обезьяна повисает на веревке и болтается на ней.

– Она достаточно близко, чтобы я мог дотянуться до нее?

Взгляд Валентайна упал на шпагу в руке хозяина. Его темные глаза расширились, когда он понял, что Гарри скорее заколет зверька, чем позволит ему свободно разгуливать по отелю.

– Это непросто, – сказал он. – Возможно, вы только раздразите ее.

– Ты пытался приманить ее с помощью еды?

– Ничего не получится. Когда я сунул в шахту яблоко, она чуть не укусила меня за руку. – Валентайн бросил расстроенный взгляд в сторону лифта, где другие мужчины пробовали подманить упрямую обезьяну свистом и уговорами.

Один из нагараян, худощавый мужчина средних лет, одетый в легкий костюм и богато расшитую шаль, накинутую на плечи, шагнул вперед.

– Вы мистер Ратледж? Отлично. Спасибо, что пришли помочь нам вернуть самый ценный дар ее величеству. Это редкая порода макак. Ей нельзя причинить вред.

– Как вас зовут? – бесцеремонно спросил Гарри.

– Ниран, – отозвался дипломат.

– Мистер Ниран, я понимаю ваше беспокойство за животное, но я обязан защитить своих постояльцев.

Нагараянин свирепо сверкнул глазами.

– Боюсь, вам не поздоровится, если вы причините вред нашему подарку королеве.

Гарри твердо встретил его негодующий взгляд.

– Если вы в течение пяти минут не найдете способ извлечь животное из лифта, – отозвался он ровным тоном, – и поместить его в эту клетку, Ниран, я приготовлю из него кебаб.

Это заявление вызвало очередной негодующий взгляд, и нагараянин поспешил к отверстию лифта. Обезьяна издала возбужденный вопль, за которым последовало ворчание.

– Я не имею представления, что такое кебаб, – заметил Джейк, ни к кому конкретно не обращаясь, – но не думаю, что это понравится обезьяне.

Прежде чем Гарри успел ответить, Джейк увидел что-то за его спиной и простонал:

– Постояльцы...

– Проклятье! – пробормотал Гарри себе под нос и повернулся навстречу постояльцам, гадая, что он им скажет.

Это оказались три женщины. Гарри испытал легкий шок, узнав Кэтрин Маркс и Поппи Хатауэй, которые следовали за темноволосой девушкой, очевидно – Беатрикс. Спеша к лифту, она, казалось, готова была перешагнуть через любое препятствие.

Он преградил ей путь:

– Доброе утро, мисс. Боюсь, вам туда нельзя.

Она остановилась, устремив на него глаза того же ярко-голубого оттенка, как у ее сестры. Кэтрин Маркс взирала на него с каменным спокойствием, а Поппи слегка покраснела и перевела дыхание.

– Вы не знаете мою сестру, сэр, – сказала она. – Если бы поблизости имелось дикое животное, она непременно захотела бы посмотреть на него.

– Что заставляет вас думать, что в моем отеле водятся дикие животные? – осведомился Гарри с таким видом, словно подобное предположение было немыслимым.

Макака выбрала этот момент, чтобы издать радостный вопль.

Поппи усмехнулась. Несмотря на раздражение и вышедшую из-под контроля ситуацию, Гарри не смог не улыбнуться в ответ. Поппи показалась даже более изысканной, чем ему запомнилось, с темно-голубыми прозрачными глазами. В Лондоне было много красивых женщин, но ни одна из них не обладала таким сочетанием ума и слегка пылкого обаяния. Ему хотелось схватить ее в объятия и увлечь туда, где им никто не помешает.

Овладев своим лицом, Гарри напомнил себе, что, хотя они встречались накануне, предполагается, что они незнакомы. Он отвесил учтивый поклон:

– Гарри Ратледж, к вашим услугам.

– Я Беатрикс Хатауэй, – сказала младшая из девушек, – а это моя сестра Поппи и наша компаньонка мисс Маркс. В лифте для провизии находится обезьяна, не так ли? – Она произнесла это таким прозаическим тоном, словно пребывание

экзотических животных в отеле было обычным делом.

- Да, но...

- Так вы ее никогда не поймаете, - перебила его Беатрикс.

Гарри, которого никогда никто не перебивал, обнаружил, что подавляет очередную улыбку.

- Уверяю вас, ситуация под контролем, мисс...

- Вам нужна помощь, - заявила Беатрикс. - Я сейчас вернусь. Не делайте ничего, что могло бы расстроить обезьянку. И не пытайтесь тыкать в нее этой шпагой, вы можете уколоть ее случайно. - Без дальнейших церемоний она бросилась назад, в том направлении, откуда пришла.

- Вряд ли это будет случайно, - пробормотал Гарри.

Мисс Маркс растерянно смотрела вслед своей подопечной.

- Беатрикс, нельзя бегать по отелю, - окликнула ее она. - Остановись сейчас же!

- Думаю, у нее есть план, - заметила Поппи. - Вам лучше сходить за ней, мисс Маркс.

Компаньонка бросила на нее умоляющий взгляд:

- Пойдем вместе.

Но Поппи не шелохнулась.

- Я лучше подожду здесь, - отозвалась она с невинным видом.

- Но это неприлично... - компаньонка перевела взгляд с убегающей Беатрикс на неподвижную Поппи. Решив, что Беатрикс представляет собой большую проблему, она пробормотала проклятие и кинулась следом за ней.

Гарри обнаружил, что остался наедине с Поппи, которую, как и ее сестру, казалось, ничуть не встревожило присутствие макаки на чердаке. Они смотрели друг на друга, он – вооруженный шпагой, а она – зонтиком.

Поппи скользнула взглядом по его белому фехтовальному костюму и, вместо того чтобы застенчиво молчать или изображать нервозность, как полагается молодой девушке, оставшейся без присмотра, завела разговор:

– Мой отец называл фехтование физическими шахматами. Он восхищался этим видом спорта.

– Я пока еще учусь, – заметил Гарри.

– По методике моего отца, весь фокус в том, чтобы держать шпагу так, словно у вас в руке птица: достаточно крепко, чтобы не дать ей упорхнуть, но и не слишком крепко, чтобы не раздавить.

– Он давал вам уроки?

– О да, отец поддерживал увлечения всех своих дочерей к фехтованию. Он говорил, что не знает вида спорта, более подходящего для женщин.

– Пожалуй. Женщины отличаются гибкостью и проворством.

Поппи удрученно улыбнулась:

– Недостаточным, чтобы ускользнуть от вас.

Одной этой репликой ей удалось мягко подшутить над ними обоими.

Они стояли друг к другу ближе, чем вначале, хотя как это получилось, Гарри не знал. От нее исходил восхитительный запах: нежной кожи, духов и мыла. При воспоминании, какими мягкими были ее губы, ему так сильно захотелось повторить мгновение, что Гарри с трудом удержался от поцелуя. Он с изумлением отметил, что у него участилось дыхание.

– Сэр! – вывел его из задумчивости голос Валентайна. – Макака карабкается вверх по веревке.

– Там некуда двигаться, – резко отозвался Гарри. – Попробуйте поднять лифт выше, чтобы поймать ее в ловушку под потолком.

– Вы пораните ее! – воскликнул нагарянин.

– Я могу только надеяться на это, – буркнул Гарри, раздраженный их вмешательством. Ему не хотелось вникать в планы поимки расшалившейся макаки. Ему хотелось остаться наедине с Поппи.

Прибыл Уильям Каллип с револьвером, который держал с величайшей осторожностью.

– Мистер Ратледж, вот он.

– Спасибо.

Гарри протянул руку, чтобы взять револьвер, но в этот момент Поппи отпрянула назад, наткнувшись на него. Гарри схватил ее за предплечья и ощутил дрожь, пронзившую ее тело. Он осторожно повернул ее лицом к себе. Ее лицо побледнело, глаза расширились.

– В чем дело? – мягко спросил он. – Вы боитесь оружия?

Она кивнула, судорожно выдохнув.

Гарри поразила сила собственной реакции на ее испуг. Его просто захлестнуло желание защитить ее. Она все еще дрожала, упираясь ладонью в его грудь.

– Все в порядке, – произнес он.

Гарри не мог вспомнить, чтобы кто-нибудь искал у него поддержки и утешения. Возможно, никто. Ему хотелось притянуть ее к себе и утешить. Казалось, он всегда хотел и ждал этого, даже не догадываясь о своем тайном желании.

– Каллип, – негромко произнес он, – забери револьвер, он не понадобится. Отнеси его назад.

– Слушаюсь, мистер Ратледж.

Поппи оставалась в убежище его рук, склонив голову. Ее ухо выглядело таким нежным. Запах ее духов дразнил его обоняние. Ему хотелось исследовать каждую частичку ее тела и обнимать ее, пока не расслабится.

– Все в порядке, – снова сказал он, поглаживая ее по спине. – Он ушел. Мне жаль, что вы испугались.

– Нет, это мне жаль, что я... – Поппи отстранилась, залившись румянцем. – Обычно я не такая трусиха. Это от неожиданности. Дело в том, что давным-давно... – Она осеклась, пробормотав: – Я опять болтаю.

Гарри не хотелось, чтобы она замолкала. Все связанное с ней он находил бесконечно интересным, хотя и не смог объяснить почему.

– Расскажите мне, – негромко произнес он.

Поппи безнадежно махнула рукой и одарила его кислым взглядом, как бы говоря: «Я вас предупреждала».

– В детстве я обожала своего дядю Говарда, брата моего отца. У него не было жены и детей, и поэтому он уделял все свое внимание нам.

Ее губы тронула задумчивая улыбка.

– Дядя Говард был очень терпелив со мной. Моя болтовня доводила всех до безумия, но он всегда слушал меня с таким видом, будто располагал всем временем на свете. Как-то утром он приехал к нам с визитом. Отца не было дома, он отправился на охоту вместе с деревенскими жителями. Когда они показались вдалеке со связкой убитых птиц, мы с дядей Говардом вышли им навстречу. Вдруг чье-то ружье случайно выстрелило. Не знаю, как это произошло: то ли оно упало, то ли его неправильно несли, – помню только звук выстрела, похожий на гром, и болевые ощущения в руке и плече. Я повернулась

к дяде Говарду и увидела, что он медленно оседает на землю. Он был смертельно ранен, а в меня попало несколько дробинок.

Поппи помедлила, в ее глазах блеснули слезы.

– Он был весь в крови. Я бросилась к нему, приподняла его голову и спросила, что должна сделать. В ответ он прошептал, что я должна всегда быть хорошей девочкой, чтобы мы встретились снова на небесах. – Она прочистила горло и коротко вздохнула. – Простите. Мне не следовало столько болтать...

– Нет, – возразил Гарри, переполненный непривычными эмоциями. – Я готов слушать вас весь день.

Она удивленно моргнула и нерешительно улыбнулась:

– Если не считать дядю Говарда, вы первый мужчина, которой говорит мне это.

Их прервали возгласы мужчин, собравшихся у лифта. Макака забралась еще выше.

– Дьявол, – пробормотал Гарри.

– Пожалуйста, подождите еще немного, – попросила Поппи. – Моя сестра умеет обращаться с животными. Она выманит обезьянку оттуда, не причинив ей вреда.

– Она имеет опыт обращения с приматами? – поинтересовался Гарри, не скрывая иронии.

Поппи на секунду задумалась.

– Лондонский сезон считается?

Гарри хмыкнул с искренним весельем, что случилось с ним не часто, заслужив удивленные взгляды Валентайна и Бримли.

Появилась Беатрикс, прижимавшая к себе большую банку, и поспешила к ним, не обращая внимания на недовольную мисс Маркс, которая следовала за ней по пятам.

- А вот и мы, - бодро сказала она.

- Наши конфеты? - поинтересовалась Поппи.

- Мы уже предлагали ей еду, мисс, - сказал Джейк Валентайн. - Она не берет.

- Это возьмет, - заявила Беатрикс, уверенно направившись к лифту. - Надо будет поднять банку наверх.

- Вы туда что-нибудь подмешали? - с надеждой спросил Джейк.

Все три нагараянских дипломата разразились взволнованными тирадами, смысл которых сводился к тому, что они не хотят, чтобы животное одурманили или отравили.

- О нет, нет, - заверила их Беатрикс. - Если это сделать, обезьянка может упасть в шахту лифта, а я не хочу причинять вред этому ценному животному.

Ее слова подействовали, и иностранцы успокоились.

- Тебе нужна моя помощь, Беа? - спросила Поппи, подойдя ближе.

Младшая сестра вручила ей моток толстого шелкового шнура.

- Обвяжи его вокруг горлышка банки. Узлы у тебя лучше получаются.

- Выбленочный узел?

- Да, как раз то, что нужно.

Джейк Валентайн, с явным сомнением наблюдавший за их действиями, взглянул на Гарри:

– Мистер Ратледж...

Гарри жестом приказал ему молчать и позволил сестрам Хатауэй продолжить. Независимо от успеха их попытки он слишком наслаждался происходящим, чтобы остановить их.

– Не могла бы ты сделать петлю на другом конце? – спросила Беатрикс.

Поппи нахмурилась.

– Не уверена, что я помню, как это делается.

– Позвольте мне, – предложил Гарри, шагнув вперед.

Поппи уступила ему конец шнура, весело блеснув глазами.

Гарри завязал шнур в некое подобие шара, несколько раз обернув его вокруг пальцев и пропустив свободный конец взад и вперед, а затем затянул узел.

– Неплохо, – похвалила Поппи. – Что это за узел?

– Вообще-то, – ответил Гарри, – он называется «кулак обезьяны».

Поппи улыбнулась:

– Вы, наверное, шутите.

– Я никогда не шучу по поводу узлов. Хороший узел – это произведение искусства. – Он протянул конец шнура Беатрикс, и она положила его на крышку кабины лифта. – Ловко придумано, – заметил он, сообразив, что она задумала.

– Может не сработать, – сказала Беатрикс. – Это зависит от того, кто умнее: обезьянка или мы.

– Не уверен, что нам понравится ответ, – сухо отозвался Гарри. Подавшись внутрь шахты лифта, он медленно потянул веревку, отправив банку наверх, к макаке, а Беатрикс взялась за шелковый шнур.

Все замерли в ожидании, затаив дыхание.

Раздался глухой звук.

Обезьяна спрыгнула на крышу лифта и затихла, негромко побряхтывая. Затем последовал резкий рывок, и воздух огласили возмущенные вопли. Лифт затрясся от тяжелых ударов.

– Попалась! – воскликнула Беатрикс.

Гарри взял у нее конец шнура, а Джейк Валентайн спустил кабину лифта.

– Отойдите, пожалуйста, мисс Хатауэй, – сказал Гарри.

– Позвольте мне это сделать, – попросила Беатрикс. – Макака скорее набросится на вас, чем на меня. Животные доверяют мне.

– Возможно, но я не могу подвергать риску своих постояльцев.

Поппи и мисс Маркс оттащили Беатрикс от лифта. Все ахнули при виде крупной черно-голубой макаки с огромными блестящими глазами, безволосой мордочкой и забавным хохолком на макушке. Она яростно верещала, обнажая белые зубы.

Обезьяна отчаянно пыталась выдернуть одну из передних лап, застрявших в банке, но безуспешно. Мешал ее собственный кулак, который она отказывалась разжать, даже чтобы вытащить лапу из банки.

– О, ну разве она не красавица? – восторженно воскликнула Беатрикс.

В одной руке Гарри держал шнур, привязанный к банке, а в другой – свою шпагу. Макака оказалась больше, чем он ожидал, вполне способная нанести ощутимый урон, и явно размышляла, кого атаковать первым.

– Ну, давай, приятель, – произнес он, пытаясь направить обезьяну в открытую клетку.

Беатрикс вытащила из своего кармана горсть конфет и принялась бросать их в клетку.

– Смотри, глупышка, – сказала она, обращаясь к макаке. – Вон где твое лакомство. Полезай в клетку, и хватит безобразничать.

Невероятно, но обезьяна послушалась, утащив за собой банку. Бросив злобный взгляд на Гарри, она залезла в клетку и принялась собирать разбросанные конфеты свободной лапой.

– Отдай мне банку, – терпеливо сказала Беатрикс. Потянув за шнур, она вытащила банку из клетки, затем бросила внутрь последнюю горсть конфет и закрыла дверцу. Нагараяне поспешно заперли замок.

– Надо обмотать ее цепью, – велел Гарри Джейку. – Другую клетку пусть тоже обмотают. И отправьте их в Риджент-Парк как можно скорее.

– Слушаюсь, сэр.

Поппи подошла к сестре и сжала ее в коротком объятии.

– Отлично сработано, Беа! – воскликнула она. – Как ты догадалась, что обезьяна не выпустит конфеты из лапы?

– Потому что давно установлено, что обезьяны такие же жадные, как люди, – ответила Беатрикс, и они обе рассмеялись.

– Тише, девушки, – сказала мисс Маркс, беря их за руки и увлекая за собой. – Это неприлично. Нам нужно идти.

– Да, конечно, – отозвалась Поппи. – Извините, мисс Маркс. Мы ведь собирались на прогулку.

Однако им помешали уйти нагараяне, окружившие Беатрикс.

– Вы оказали нам очень большую услугу, – сказал главный из них, Ниран. – Очень большую. Вы заслужили благодарность нашей страны и нашего короля. И мы хотели бы сообщить ее величеству королеве Виктории о вашем храбром поведении...

– Нет, спасибо, – твердо вмешалась мисс Маркс. – Мисс Хатауэй не хочет, чтобы о ее поведении сообщали кому бы то ни было. Это нанесет вред ее репутации. Если вы действительно хотите поблагодарить ее за доброту, обещайте молчать об этой истории.

Последовало возбужденное обсуждение, после чего нагараяне энергично закивали.

Беатрикс вздохнула, проводив взглядом макаку, унесенную в клетке.

– Жаль, что у меня нет обезьянки, – печально произнесла она.

Мисс Маркс бросила на Поппи страдальческий взгляд.

– Лучше бы она так мечтала заиметь мужа.

Поппи подавила улыбку, изобразив сочувственную гримасу.

– Позаботьтесь о том, чтобы лифт вымыли, – велел Гарри Валентайну и Бримли. – Самым тщательным образом.

Мужчины поспешили выполнять указание. Бримли воспользовался веревками, чтобы спустить лифт вниз, а Джейк Валентайн удалился, размашисто шагая по коридору.

Гарри посмотрел на девушек, задержав взгляд на недовольном лице мисс Маркс.

– Позвольте поблагодарить вас за помощь, дамы.

– Не за что, – отозвалась Поппи, лукаво блестя глазами. – Если у вас возникнут дальнейшие проблемы с непокорными обезьянами, смело посылайте за нами.

Кровь Гарри ускорилась, соблазнительные образы заполнили его сознание... Эти улыбающиеся губы, страстный шепот, ее матовая кожа, мерцающая в ночной темноте, жар их разгоряченных тел и нежность прикосновений.

Она стоит любых жертв, подумал он, даже остатков его бессмертной души.

– Всего хорошего, – услышал он собственный голос, слегка охрипший, но безупречно вежливый, и заставил себя повернуться и уйти.

До поры до времени.

Глава 7

– Теперь я понимаю, что ты имела в виду, – сказала Беатрикс сестре, когда мисс Маркс отлучилась по какому-то делу. Поппи лежала в своей постели, а Беатрикс, вымыв Доджера, вытирала его насухо перед камином. – Насчет мистера Ратледжа, – уточнила она. – Неудивительно, что он тебя нервирует. – Она улыбнулась довольному хорьку, закутанному в теплое полотенце. – Доджер, тебе ведь нравится быть чистым, правда? Ты так чудесно пахнешь после хорошего мытья.

– Ты всегда так говоришь, а он всегда пахнет одинаково. – Поппи приподнялась на локте, наблюдая за ними. Она чувствовала себя слишком возбужденной, чтобы спать. – Значит, тебя он тоже нервирует?

– Нет, но я понимаю, почему он так действует на тебя. Он наблюдает за тобой, как хищник в засаде, который лежит и ждет, прежде чем броситься на жертву.

– Какой драматический образ, – сказала Поппи со смешком. – Он не хищник, Беа. Он всего лишь человек.

Беатрикс не сразу отозвалась, прилаживая шерсть Доджера. Когда она склонилась над ним, он ткнулся носом ей в лицо, выражая свою привязанность.

- Поппи, - сказала она, - сколько бы мисс Маркс ни старалась цивилизовать меня, и сколько бы я ни старалась следовать ее советам, у меня остается собственное видение мира. Для меня люди не многим отличаются от животных. Все мы Божьи твари, не так ли? Когда встречаю человека, я сразу вижу, на какое животное он похож. Например, Кэм похож на лису.

- Пожалуй, - согласилась Поппи, улыбнувшись. - А Меррипен? На медведя?

- Нет, вне всяких сомнений, на коня. А Амелия на наседку.

- Я бы сказала, на сову.

- Да, но помнишь, как одна из наших куриц в Гэмпшире напала на корову, которая слишком близко подошла к гнезду? В точности Амелия.

Поппи усмехнулась:

- Ты права.

- А Уин - лебедь.

- Я тоже птица? Ласточка? Воробей?

- Нет, ты типичный кролик.

- Кролик? - Поппи скорчила гримаску. - Мне это не нравится. Почему я кролик?

- О, кролики - очаровательные животные, которые любят ласку. Они очень общительны, но для полного счастья им нужна пара.

- Но они пугливые, - возразила Поппи.

- Не всегда. Они достаточно отважны, чтобы дружить со многими другими животными. Даже с кошками и собаками.

- Ладно, - смирилась Поппи, - это лучше, чем быть ежом, полагаю.

– Еж – это мисс Маркс, – заявила Беатрикс деловитым тоном, который вызвал у Поппи улыбку.

– А ты, наверное, хорек, Беа?

– Да. Но я клоню не к этому.

– Извини, продолжай.

– Я хотела сказать, что мистер Ратледж – кот. Одинокий охотник. И явно не прочь полакомиться кроликом.

Поппи озадаченно моргнула.

– Ты думаешь, что он... О нет, Беа... вряд ли мы снова увидимся...

– Надеюсь, что ты права.

Поппи повернулась на бок, наблюдая за сестрой в мерцающем свете пламени. Она ощущала смутное беспокойство, проникавшее до мозга ее костей.

Не потому, что она боялась Гарри Ратледжа.

А потому, что он ей нравился.

Насколько Кэтрин Маркс могла судить, Гарри Ратледж что-то задумал. У него всегда было что-то на уме. Определенно его не интересовало ее благополучие – он не дал бы за нее и ломаного гроша. С его точки зрения, большинство людей, включая Кэтрин, не заслуживали его времени и внимания.

Какой бы механизм ни качал кровь Гарри Ратледжа по жилам, это не было сердце.

За годы их знакомства Кэтрин никогда ничего не просила у него. Если Гарри оказывал кому-то услугу, она заносилась в невидимую учетную книгу, которую он вел в своей дьявольски умной голове, и было только вопросом времени, когда

он потребует, чтобы ему вернули должок. Не зря все его побаивались. Он имел могущественных друзей, но вряд ли даже они знали, к какой категории относятся.

Камердинер проводил мисс Маркс в роскошные апартаменты Гарри Ратледжа. Кэтрин холодно поблагодарила и села, сложив руки на коленях. Приемная, отделанная мрамором и украшенная бесценными произведениями искусства эпохи Возрождения, была задумана с таким расчетом, чтобы подавить посетителя своим величием.

Спустя пару минут появился Гарри, высокий, сильный и самоуверенный. Он выглядел, как всегда, безукоризненно, элегантный и ухоженный.

Остановившись перед ней, он смерил ее дерзким взглядом своих зеленых глаз.

– Отлично выглядишь, Кэт.

– Пошел к дьяволу, – отозвалась она, не повышая голоса.

Его взгляд упал на побелевшие костяшки ее крепко переплетенных пальцев, и ленивая улыбка изогнула его губы.

– Полагаю, для тебя я действительно дьявол. – Он кивнул на другой конец дивана, на котором она сидела. – Можно?

Кэтрин коротко кивнула и подождала, пока он усядется.

– Зачем ты послал за мной? – отрывисто произнесла она.

– Забавное происшествие приключилось сегодня утром, ты не находишь? Твои подопечные были просто восхитительны. Совсем не похожи на заурядных светских барышень.

Кэтрин постаралась не моргнуть, глядя в зеленые глубины его глаз. Гарри умел скрывать свои мысли, но этим утром он смотрел на Поппи с таким откровенным голодом, что его нельзя было не заметить. А Поппи не имела представления, как защититься от подобных мужчин.

Кэтрин постаралась сохранить невозмутимость.

– Я не намерена обсуждать с тобой своих подопечных. И предупреждаю: держись от них подальше.

– Ты предупреждаешь меня? – насмешливо повторил он.

– Я не позволю тебе причинить вред никому из моей семьи.

– Твоей семьи? – Одна из его темных бровей приподнялась. – Насколько мне известно, у тебя нет семьи.

– Я имею в виду семью, в которой я работаю, – отозвалась Кэтрин с ледяным спокойствием. – Особенно Поппи. Я видела, как ты смотрел на нее сегодня утром. Если ты попытаешься причинить ей вред...

– У меня нет ни малейшего намерения причинять вред кому бы то ни было.

– Независимо от твоих намерений это случается, не так ли? – заметила Кэтрин, с удовлетворением отметив, что его глаза сузились. – Поппи слишком хороша для тебя, – продолжила она, – и она вне твоей досягаемости.

– Вряд ли на свете есть вещи, недостижимые для меня, Кэт, – возразил он без всякого высокомерия. Это была правда, что еще больше испугало Кэтрин.

– Поппи практически обручена, – резко сказала она. – Она любит другого мужчину.

– Майкла Бейнинга.

Ее сердце тревожно забилось.

– Откуда ты знаешь?

Он проигнорировал ее вопрос.

– Ты действительно думаешь, что виконт Эндоувер, известный своей приверженностью к светским условностям, позволит своему сыну жениться на одной из Хатауэев?

– Да. Он любит своего сына, и поэтому закроет глаза на тот факт, что Поппи происходит из семьи, чуждой условностям. Он не может желать лучшей матери для своих будущих наследников.

– Он аристократ. Для него главное – родословная. И хотя родословная Поппи привела к очаровательному результату, она далека от чистоты крови.

– Ее брат тоже аристократ.

– Благодаря случайности. Хатауэи – самая тонкая веточка на фамильном дереве. Рамзи, может, и унаследовал титул, но по части благородства происхождения он такой же аристократ, как ты и я. И Эндоуверу это отлично известно.

– Какой же ты сноб, – заметила Кэтрин.

– Совсем нет. Я нисколько не возражаю против родословной Хатауэев. Собственно, она мне даже нравится. Ни одна из анемичных дочек аристократов не идет ни в какое сравнение с двумя девушками, которых я видел сегодня утром. – На мгновение его улыбка стала искренней. – Что за парочка! Поймать дикую обезьяну с помощью такого простого трюка.

– оставь их в покое, – сказала Кэтрин. – Ты играешь с людьми как кошка с мышью. Найди себе кого-нибудь другого для развлечений, Гарри. Видит Бог, ты никогда не испытывал недостатка в женщинах, готовых на все, лишь бы доставить тебе удовольствие.

– Да, но это так скучно, – отозвался он с притворной серьезностью, – Подожди, не уходи. Я хотел спросить у тебя кое-что. Поппи ничего не говорила тебе обо мне?

Заинтригованная, Кэтрин покачала головой:

– Только то, что ей было интересно наконец познакомиться с таинственным владельцем отеля. – Она устремила на него пристальный взгляд. – А что еще она могла сказать мне?

Гарри изобразил невинную гримасу.

– Ничего. Просто я надеялся, что произвел на нее впечатление.

– Напрасно, она тебя даже не заметила. Ее чувства заняты мистером Бейнингом, хорошим и честным человеком в отличие от тебя.

– Ты ранишь меня в самое сердце. К счастью, когда дело касается любви, большинство женщин выбирают плохих мужчин, а не хороших.

– Если бы ты что-нибудь понимал в любви, – ядовито сказала Кэтрин, – то знал бы, что Поппи никогда не выберет никого, кроме мужчины, которому она уже отдала свое сердце.

– Пусть он владеет ее сердцем, – последовал небрежный ответ. – При условии, что мне принадлежит все остальное.

Пока Кэтрин боролась со вспышкой бессильного гнева, Гарри подошел к двери и открыл ее.

– Позволь мне проводить тебя. Наверняка тебе не терпится вернуться и объявить тревогу. Хотя это совершенно бесполезно.

Давно Кэтрин не испытывала такую безмерную тревогу. Гарри и Поппи... неужели он действительно имеет виды на нее или просто решил помучить ее, Кэтрин, жестокой шуткой?

Нет, он не играет. Конечно, ему приглянулась Поппи, чья душевность, непосредственность и доброта были совершенно чуждыми его изоциренному миру. Ему захотелось отдохнуть от собственной неумности, и, когда покончит с Поппи, он высосет из нее все счастье и невинное обаяние, которые привлекли его в первую очередь.

Кэтрин не представляла, что делать. Она не могла признаться в своем знакомстве с Гарри Ратледжем, и он это знал.

Единственный выход – это сделать так, чтобы Поппи официально обручилась с Майклом Бейнингом, и как можно скорее. Завтра они вместе отправятся на выставку цветов. А потом она найдет способ ускорить ухаживание и постарается заручиться поддержкой Кэма и Амелии, чтобы проблема быстро разрешилась.

А если по какой-либо причине помолвка, не дай бог, не состоится, она предложит сопровождать Поппи за границу. Возможно, во Францию или Италию. Она согласна даже терпеть общество непутевого лорда Рамзи, если он пожелает ехать с ними. Все, что угодно, лишь бы спасти Поппи от Гарри Ратледжа.

– Просыпайся, соня, – сказала Амелия, войдя в комнату в халате, отделанном кружевными оборками. Ее темные волосы были заплетены в толстую косу, переброшенную через плечо. Она только что покормила ребенка и, оставив его на попечение няни, пришла будить мужа.

Кэм имел обыкновение оставаться на ногах всю ночь и отсыпаться по утрам. Эта привычка была прямой противоположностью принципу Амелии рано ложиться и рано вставать.

Она подошла к окну и раздвинула шторы, впустив утренний свет, за что была вознаграждена протестующим стоном, донесшимся из постели.

– Доброе утро, – бодро сказала Амелия. – Скоро появится горничная, чтобы помочь мне одеться. Тебе лучше что-нибудь надеть.

Роясь в ящиках с бельем, она видела уголком глаза, как Кэм потянулся всем своим сильным гибким телом, обтянутым гладкой кожей цвета темного меда.

– Иди сюда, – произнес он сонным голосом, откинув одеяло.

У Амелии вырвался смешок.

– И не подумаю. Мне некогда. Все, кроме тебя, заняты делом.

– Я как раз собираюсь заняться делом. Как только ты подойдешь ко мне. Не заставляй меня гоняться за тобой с утра пораньше.

Амелия одарила его суровым взглядом, но послушалась.

– Скоро полдень. Собственно, если ты сейчас же не встанешь и не оденешься, мы опоздаем на цветочную выставку.

– Как можно опоздать на цветочную выставку? – покачал головой Кэм и улыбнулся, как он всегда делал, когда ему казалось, что она говорит чепуху. – Подойди ближе.

– Позже. – Она издала беспомощный смешок, когда он потянулся к ней с удивительным проворством и схватил за запястье. – Кэм, нет.

– Хорошая цыганская жена никогда не отказывает своему мужу, – поддразнил он.

– Горничная... – забормотала она и осеклась, упав на кровать поверх его теплого золотистого тела.

– Она подождет. – Он расстегнул ее халат и, скользнув рукой под кружево ночной рубашки, обхватил ладонью чувствительную плоть.

Смех замер у Амелии на губах. Кэм так много знал о ней – слишком много – и бессовестно этим пользовался. Она закрыла глаза и положила руку ему на затылок, запустив пальцы в шелковистые завитки его волос.

Покрывая поцелуями ее шею, Кэм раздвинул коленом ее ноги.

– Решай, – шепнул он, – либо сейчас, либо за кустами рододендрона на цветочной выставке.

Амелия поерзала, прижатая к постели его телом.

– Кэм, – выдохнула она, когда его голова склонилась к ее обнаженной груди. – Мы опоздаем...

Вместо ответа он пробормотал ласковые слова, перейдя на цыганский, как всегда в минуты страсти, и овладел ею с необузданностью, которая показалась бы варварской, не будь он таким нежным.

– Кэм, – сказала она чуть позже, обвив руками его шею, – мы поговорим сегодня с мистером Бейнингом?

– О маргаритках и примулах?

– О его намерениях относительно моей сестры.

Кэм улыбнулся, играя завитком ее волос, выбившимся из косы.

– Значит, ты не возражаешь?

– Наоборот, я хочу, чтобы ты это сделал. – Ее лоб перерезала морщинка. – Поппи встает на дыбы, стоит кому-нибудь упрекнуть мистера Бейнинга, что он не спешит разговаривать со своим отцом.

Кэм осторожно разгладил ее лоб подушечкой большого пальца.

– Он ждал достаточно долго. О таких людях цыгане говорят: «Хочет и рыбку съесть, и ног не замочить».

Амелия невесело хмыкнула:

– Досадно, что он ходит вокруг да около, вместо того чтобы пойти к отцу и решить этот вопрос.

Кэм, неплохо изучивший аристократию еще в те времена, когда был управляющим фешенебельным игорным клубом, сухо отозвался:

– Когда тебе предстоит унаследовать так много, как Бейнингу, приходится проявлять осмотрительность.

– Мне плевать. Он возбудил надежды моей сестры. Если это ничем не кончится, она будет опустошена. Из-за него она отказалась от ухаживания других мужчин и потеряла весь сезон...

– Успокойся. – Он перекатился на бок, увлекая ее за собой. – Я согласен с тобой, дорогая. С этим призрачным ухаживанием нужно кончать. Я дам понять Бейнингу, что пора действовать. Надеюсь, это поможет.

– Спасибо. – Амелия прижалась щекой к его груди, устраиваясь поудобнее. – Я буду рада, когда это разрешится. В последнее время я не могу избавиться от ощущения, что все пойдет не так, как хотелось бы Поппи и мистеру Бейнингу. Дай Бог, чтобы я ошиблась. Я так хочу, чтобы Поппи была счастлива... Что мы будем делать, если он разобьет ей сердце?

– Мы позаботимся о ней, – промолвил Кэм, прижав ее к себе. – Для чего еще нужна семья?

Глава 8

Поппи так волновалась, ожидая прибытия Майкла, что испытывала легкое головокружение. После всех уловок и хитростей это был первый шаг к тому, чтобы обнародовать их отношения.

Она оделась с особой тщательностью в желтое уличное платье, отделанное черным шелковым шнуром, с двухслойной юбкой, подхваченной черными бархатными бантами. У Беатрикс был похожий ансамбль, но голубой, с шоколадной отделкой.

– Прелестно, – вынесла вердикт мисс Маркс, когда они вошли в гостиную их номера. – Вы будете двумя самыми элегантными молодыми дамами на цветочной выставке. – Она вытащила одну из шпилек из прически Поппи и вставила ее снова, надежно закрепив поднятые наверх локоны. – Клянусь, мистер Бейнинг не сможет отвести от тебя глаз, – добавила она.

– Он опаздывает, – заметила Поппи напряженным тоном. – Это не похоже на него. Надеюсь, у него не возникло затруднений.

– Уверена, он скоро приедет.

В комнату вошел Кэм, за ним Амелия в розовом платье, перетянута на тонкой талии кожаным ремешком бронзового цвета в тон ее башмакам.

– Какая прекрасная погода! Как раз для прогулки на свежем воздухе, – сказала Амелия, оживленно блестя глазами. – Хотя я сомневаюсь, что ты заметишь даже цветы, Поппи.

Положив руку на живот, Поппи прерывисто вздохнула.

– Все это так действует на нервы.

– Я знаю, дорогая. – Амелия подошла ближе и обняла ее. – Я бесконечно благодарна судьбе, что мне не пришлось проходить через лондонские сезоны. У меня никогда не было твоего терпения. В самом деле, следовало бы обложить лондонских холостяков налогом, пока они не женятся. Это ускорило бы процесс ухаживания.

– Не понимаю, почему люди вообще должны жениться, – сказала Беатрикс. – Никто ведь не женил Адама и Еву, правда? Они просто жили друг с другом. Почему мы все должны беспокоиться о свадьбе, когда они обошлись без этого?

Поппи издала нервный смешок.

– Давайте не будем обсуждать подобные темы при мистере Бейнинге, – сказала она. – Боюсь, он не привык к нашим...

– Бурным дискуссиям, – подсказала мисс Маркс.

Амелия усмехнулась:

– Не беспокойся, Поппи. Мы будем такими достойными и правильными, что он сочтет нас занудами.

– Спасибо, – пылко отозвалась Поппи.

– Мне тоже придется изображать зануду? – спросила Беатрикс у мисс Маркс, которая энергично кивнула.

Вздыхнув, Беатрикс подошла к столу в углу комнаты и принялась опустошать свои карманы.

Поппи вздрогнула, когда услышала стук в дверь.

– Это он, – выдохнула она.

– Я отвечу, – сказала мисс Маркс, послав Поппи быструю улыбку. – Можешь успокоиться, дорогая.

Поппи кивнула и постаралась взять себя в руки. Она заметила, что Амелия и Кэм обменялись взглядами, которые она не смогла распознать. Взаимопонимание между этой парой было абсолютным: казалось, они могут читать мысли друг друга.

Она подавила улыбку, вспомнив утверждение Беатрикс, что кролики живут счастливо парами. Беатрикс была права: Поппи очень хотелось быть любимой, быть частью пары. Она так долго ждала и все еще была не замужем, хотя все подруги ее возраста уже обзавелись мужьями и детьми. Казалось, Хатауэи обречены находить свою любовь позже других.

Ее мысли прервало появление Майкла, который вошел в комнату и поклонился. Радость Поппи несколько омрачило выражение его лица, более угрюмое, чем ей казалось возможным. Его лицо было бледным, глаза покраснели, словно он не спал ночью. Собственно говоря, он выглядел больным.

– Мистер Бейнинг, – мягко сказала она. Ее сердце трепетало, как птица, пойманная в силки. – С вами все хорошо? Что случилось?

Карие глаза Майкла, обычно такие теплые, казались мрачными и невыразительными, когда он окинул взглядом ее семью.

– Простите меня, – хрипло произнес он. – Даже не знаю, что сказать. – Казалось, дыхание застревает у него в груди. – У меня возникли некоторые затруднения. – Его взгляд остановился на Поппи. – Мисс Хатауэй, я должен поговорить с вами. Не могли бы вы уделить мне пару минут наедине?

Последовало напряженное молчание. Кэм хранил непроницаемое выражение, а Амелия слегка покачала головой, словно протестуя против того, что должно последовать.

– Боюсь, это будет неприлично, мистер Бейнинг, – промолвила мисс Маркс. – Мы должны помнить о репутации мисс Хатауэй.

– Конечно. – Он провел рукой по лбу, и Поппи увидела, что его пальцы дрожат.

Видимо, случилось что-то очень серьезное. Внезапно ею овладело ледяное спокойствие.

– Амелия, ты не могла бы остаться с нами? – обратилась она к сестре.

– Да, конечно.

Остальные члены семьи, включая мисс Маркс, вышли из комнаты.

Поппи чувствовала, как ручейки холодного пота стекают по ее телу под сорочкой. Она села на диван, уставившись на Майкла расширившимися глазами.

– Садитесь, пожалуйста, мистер Бейнинг, – сказала Амелия, подойдя к окну и глядя на улицу. – Я постараюсь делать вид, будто меня здесь нет. Извините, что мы не могли оставить вас наедине, но мисс Маркс права. Нельзя рисковать репутацией Поппи.

Хотя в ее тоне не было и намека на упрек, Майкл заметно вздрогнул. Расположившись на диване рядом с Поппи, он взял ее руки и склонился над ними. Его пальцы были еще холоднее, чем у нее.

– У меня была жуткая ссора с отцом вчера вечером, – глухо произнес он. – Кажется, до него дошли слухи о моем интересе к вам. О моих намерениях. Он

был... в ярости.

– Наверное, это было ужасно, – сказала Поппи, зная, что Майкл никогда не ссорился с отцом. Он благоговел перед виконтом и всегда старался заслужить его похвалу.

– Более чем ужасно. – Майкл прерывисто вздохнул. – Я избавлю вас от подробностей. В результате очень длинных и очень неприятных препирательств он предъявил мне ультиматум. Если я женюсь на вас, он отречется от меня. Не будет более считать меня своим сыном и лишит наследства.

В наступившем молчании было слышно только, как Амелия резко втянула воздух.

Боль сдавила грудь Поппи, затрудняя дыхание.

– Какую причину он назвал? – сумела произнести она.

– Только то, что вы не годитесь в жены Бейнингу.

– Может, если вы дадите ему время остыть... он передумает... Я готова ждать, Майкл. Сколько понадобится...

Майкл покачал головой:

– Я не могу просить вас об этом. Мой отец настроен очень решительно. Могут пройти годы, прежде чем он передумает, если это вообще возможно. А тем временем вы можете упустить свой шанс на счастье.

Поппи устремила на него долгий взгляд.

– Я буду счастлива только с вами.

Майкл поднял голову. Его глаза мрачно блеснули.

– Извините меня, Поппи. Извините, что я внушил вам ложные надежды на то, что никогда не было возможно. Мое единственное оправдание заключается в том,

что я думал, будто знаю своего отца. Очевидно, это не так. Я всегда верил, что смогу убедить его принять женщину, которую люблю, что моего мнения будет достаточно. Я, – его голос сорвался, – люблю вас и – проклятье! – никогда не прощу его за это. – Отпустив ее руки, он полез в карман сюртука и вытащил пачку писем, перевязанных ленточкой. Это были письма, которые она писала ему. – Честь обязывает меня вернуть их вам.

– Я не могу отплатить вам тем же, – сказала Поппи, взяв письма дрожащей рукой. – Я хочу оставить ваши письма себе.

– Конечно, это ваше право.

– Майкл, – сказала Поппи дрогнувшим голосом. – Я люблю вас.

– Я... не могу дать вам оснований надеяться.

Они замолкли, с отчаянием глядя друг на друга. Голос Амелии, прозвучавший со спасительной практичностью, прервал мучительное молчание.

– Возражения виконта не должны останавливать вас, мистер Бейнинг. Он не может помешать вам унаследовать титул и прилагающиеся к нему владения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kleypas_liza/soblazni-menya-v-sumerkah

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)